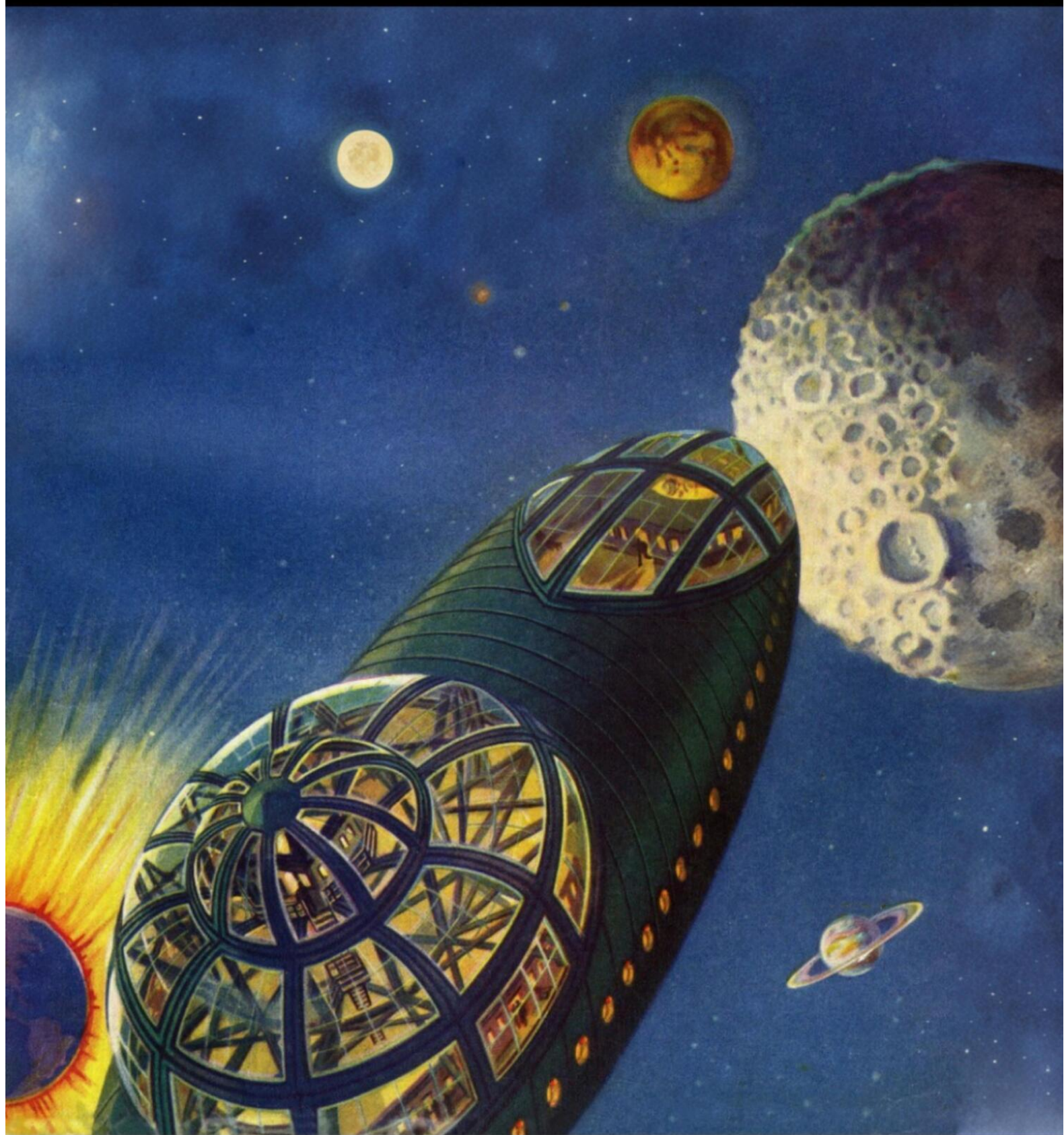

Рэй Каммингс
РАЗБОЙНИКИ
ЛУНЫ

Фантастика эпохи Гернсбека

Золотой фонд фантастики

Рэй Каммингс

Разбойники Луны

«Автор»

2024

Каммингс Р.

Разбойники Луны / Р. Каммингс — «Автор», 2024 — (Золотой фонд фантастики)

“Разбойники Луны” принадлежат перу одного из отцов-основателей современной научной фантастики Рэя Каммингса. Это история о двух планетах, борющихся за лунные сокровища. Грегг Хальян прекрасно понимал, что существует определенный риск в том, что огромный космический корабль Планетара должен "прилуниться", чтобы забрать специальный груз от исследователя Грантлайна - лунную руду. Ибо этот очень редкий металл, который был бесценен для Земных технологий, стал мишенью для многих жадных глаз. И те, кто желал его получить, не остановились бы ни перед чем. Но Хальян и предположить не мог, что хитроумные марсианские разбойники вскоре применят дьявольски хитрый план. Итак, когда он внезапно обнаружил, что и “Планетара”, и он сам оказались в руках марсиан, он понял, что есть только один способ спасти этот драгоценный груз и один свой собственный секрет — самому стать космическим пиратом и расплатиться с "Разбойниками Луны" их собственной межпланетной монетой.

© Каммингс Р., 2024

© Автор, 2024

Рэй Каммингс

Разбойники Луны

I

Наш корабль, космопланер "Планетара", чьим портом приписки был Большой Нью-Йорк, осуществлял почтовые и пассажирские перевозки на Венеру и Марс и обратно. В силу чисто астрономической ситуации полеты были нерегулярными. Весной 2070 года, когда обе планеты были близки к Земле, мы совершили два полных круговых рейса. Майским вечером мы только что прибыли в Большой Нью-Йорк из Гребхара, Свободного государства Венеры. Проведя здесь всего пять часов в порту, мы в тот же вечер в ноль часов отправлялись в Феррок-Шан, столицу Марсианского Союза.

Не успели мы сойти на посадочную площадку, как я увидел сигнальную лампочку, сообщавшую о вызове Дэна Дина и меня в штаб-квартиру дивизионного детектива. Дэн "Снап" Дин был одним из моих самых близких друзей. Он был электрорадиооператором "Планетара". Невысокий, жилистый, рыжеволосый парень, с быстрым, задорным смехом и своеобразным остроумием, из-за которого он всем нравился.

Вызов в кабинет детектива-полковника Хэлси застал нас врасплох. Дин посмотрел на меня.

– Ты ведь не вскрывал никаких хранилищ с сокровищами, Грегг?

– Он хочет заполучить и тебя, – ответил я.

Он рассмеялся.

– Что ж, он может рычать на меня, подобно регулировщику, но моя внутренняя жизнь так и останется моей собственной.

Мы не могли понять, с какой стати мы понадобились ему. Когда мы покинули "Планетару" и отправились в офис Хэлси, была уже глубокая ночь. Поездка была недолгой. Мы сели на подвесной монорельс, спустившись на подземный уровень города на Парк-Серкл 30.

Мы никогда раньше не были в офисе Хэлси. Он оказался мрачным, похожим на склеп, в одном из самых глубоких коридоров. Дверь поднялась.

– Грегг Хальян и Дэниел Дин.

Охранник посторонился.

– Входите.

Я признаю, что мое сердце излишне колотилось, когда мы вошли. Дверь опустилась за нами. Это было небольшое, освещенное голубым светом помещение, похожее на хранилище со стальными стенами.

Полковник Хэлси сидел за своим столом. Здесь же находился и крупный, грузный, розовощекий капитан Картер – наш командир с "Планетары". Это нас удивило: мы не заметили, чтобы он покидал корабль.

Хэлси сурово улыбнулся нам. Капитан Картер заговорил со зловещим спокойствием:

– Садитесь, парни.

Мы заняли места. Во всем происходившем чувствовалась тревожная атмосфера официальности. Если бы я был виновен в чем-либо, о чем я только мог помыслить, это могло бы утратить. Но слова Хэлси успокоили меня.

– Речь идет о лунной экспедиции Грантлайна. Несмотря на всю секретность, новости просочились в прессу. Мы хотим знать, как. Вы можете нам об этом рассказать?

Огромная фигура капитана Картера – он был примерно такого же роста, как и я, – возвышалась над нами, когда мы сидели за столом Хэлси.

– Если вы, парни, кому-то рассказали... наговорили чего-нибудь... позволили себе хоть малейший намек на это...

Снап улыбнулся с облегчением, но тут же стал серьезным.

– Я не говорил. Ни слова!

– И я тоже! – заявил я.

Лунная экспедиция Грантлайна! Мы и не думали о том, что это может быть причиной вызова. Джонни Грантлайн был нашим близким другом. Он был организатором исследовательской экспедиции на Луну. Необитаемая, с мрачной, безжизненной, безвоздушной и безводной поверхностью, Луна – несмотря на то, что она расположена так близко к Земле, – редко посещалась. Ни один из регулярных кораблей не останавливался там. За последние годы несколько исследовательских групп потерпели там неудачу.

Но ходили упорные слухи, что именно на Луне ждут открытия сказочные минеральные богатства. Это уже вызвало некоторые межпланетные осложнения. Агрессивные марсиане были бы только рады исследовать Луну. Но Соединенные Штаты Мира, появившиеся на свет в 2067 году, решительно отвадили их от этой затеи. Луна – это территория Земли, объявили мы, и мы будем защищать ее в качестве таковой.

Тем не менее, наше правительство понимало, что любые богатства, которые могут находиться на Луне, должны быть немедленно вывезены и переданы в руки какой-нибудь солидной земной компании. И когда Джон Грантлайн подал соответствующее предложение, обладая капиталом своего отца и собственными научными достижениями, правительство с радостью предоставило ему соответствующие полномочия.

Экспедиция Грантлайна стартовала шесть месяцев назад. Марсианское правительство согласилось с нашим требованием, однако случалось, что разбойники финансировались из государственного бюджета, а правительство официально открещивалось от них. Поэтому наша экспедиция держалась в секрете.

Мои слова не должны обидеть ни одного марсианина, который ознакомится с ними. Я касаюсь только истории нашей Земли. Экспедиция Грантлайна сейчас находилась на Луне. От нее не было никаких вестей. Нельзя было даже кодовым сигналом подать сообщение на гелиостанцию, чтобы вся Вселенная узнала, что исследователи находятся на Луне. А почему они там оказались, каждый мог легко догадаться.

И вот теперь полковник Хэлси сообщает нам, что информация передана по всему миру! Капитан Картер пристально посмотрел на нас; его немигающие глаза под белыми кустистыми бровями могли выпытать секрет у кого угодно.

– Вы уверены? Возможно, перед очами девушки с Венеры, с ее проклятыми, соблазнительными чарами! Может быть, случайное слово, когда вы, парни, увлеклись алкоголитом?

Мы заверили его, что были осторожны. Клянусь небесами, я знаю, что так оно и было. За шесть месяцев с лишним ни разу не прозвучало имя Грантлайн, даже в разговоре со Снапом.

Капитан Картер резко добавил:

– Мы здесь изолированы, Хэлси?

– Да. Говорите сколько угодно. Подслушивающий луч никогда нас не достанет.

Нас допрашивали. В конце концов они убедились, что, хотя секрет и раскрылся, тем не менее его выдали не мы. Услышав, как это обсуждают, мне пришлось в голову поинтересоваться, почему Картер так обеспокоен. Я не знал, что ему известно об аванюре Грантлайна. Теперь я понял, почему "Планетара" во время каждого из своих последних путешествий проходила довольно близко от Луны. С Грантлайном была достигнута договоренность, что если ему нужна помощь или у него есть важное сообщение, он должен передать его нашему проходящему мимо кораблю. И Снап знал об этом, но никогда не говорил об этом даже мне.

Хэлси заметил:

– Что ж, очевидно, мы не можем винить вас, но все же секрет раскрыт.

Мы со Снапом посмотрели друг на друга. Кто бы мог это сделать? Кто осмелится на такое?

Капитан Картер внезапно сказал:

– Послушайте, парни, сейчас у меня есть шанс поговорить с вами начистоту. Снаружи, где угодно за этими стенами, нас может засечь подслушивающий луч. Вы знаете об этом? С тех пор как был разработан этот проклятый луч, никто не смеет даже шептаться.

Снап открыл было рот, чтобы заговорить, но решил воздержаться. Сердце бешено заколотилось.

Капитан Картер продолжил:

– Я знаю, что могу доверять вам двоим больше, чем кому бы то ни было на Планетаре.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался я. – Что...

Он прервал меня.

– Именно то, что я сказал.

Хэлси мрачно улыбнулся.

– Он имеет в виду, Хальян, что в наши дни все не всегда так, как кажется. Не всегда можно отличить друга от врага. Планетара – государственное судно. Сколько у вас будет пассажиров, Картер, – тридцать или сорок?

– Тридцать восемь, – сказал Картер.

– На сегодняшний рейс в Феррок-Шанн записано тридцать восемь человек, – медленно сказал Хэлси. – И некоторые из них могут оказаться не теми, кем кажутся.

Он поднял свою худую темную руку.

– У нас информации... – он сделал паузу. – Признаюсь, мы не знаем почти ничего – только то, чего вполне достаточно для беспокойства.

Капитан Картер добавил:

– Я хочу, чтобы вы с Дином были начеку. На Планетаре нам будет трудно говорить в открытую, поэтому будьте бдительны. Я позабочусь о том, чтобы мы были вооружены вдвойне.

Туманные, тревожные слова! Хэлси сказал:

– Мне сказали, что Джордж Принс внесен в список на этот рейс. Я предлагаю вам, Хальян, присматривать за ним. Ваши обязанности на "Планетаре" позволяют вам быть относительно свободным, не так ли?

– Да, – согласился я.

Когда на корабле дежурили первый и второй офицеры, а капитан находился на борту, мои обязанности сводились к тому, чтобы быть скорее чем-то вроде дублера.

Я спросил:

– Джордж Принс? Кто он?

– Инженер-механик, – ответил Хэлси. – Сотрудник корпорации "Катализатор". Но он поддерживает связь с дурными товарищами, в частности с марсианами.

Я никогда не слышал об этом Джордже Принсе, хотя, конечно, был знаком с Федеративной корпорацией "Катализатор". Полуправительственный трест, контролировавший практически все земные запасы радиактива, минерала-катализатора, который произвел революцию в промышленности.

– Он работал в отделе по разработке двигателей, – вставил Картер. – Вы слышали о Федеративном радиактивном двигателе?

Конечно, слышали. Это было недавним открытием и изобретением на Земле. Двигатель нового типа, использующий радиактив в качестве топлива.

Снап поинтересовался:

– Какое отношение ко всему этому имеет Джонни Грантлайн?

– Большое, – спокойно ответил Хэлси, – а может, и никакого. Но Джордж Принс несколько лет назад участвовал в довольно неблагоприятных сделках. Однажды мы заключили

его под стражу. Известно, что он необычайно дружен с несколькими марсианами с дурной репутацией в Большом Нью-Йорке.

– И что?

– Чего вы не знаете, – сказал Хэлси, – так это того, что Грантлайн рассчитывает найти на Луне радиактив.

Мы ахнули.

– Именно, – сказал Хэлси. – Злополучная экспедиция Баллона посчитала, что нашла его на Луне, вскоре после того, как были раскрыты его достоинства. Новый тип руды – несомненно, где-то там есть ее жила.

Он добавил:

– Теперь вы понимаете, почему мы должны с подозрением относиться к этому Джорджу Принсу? У него есть криминальное прошлое. Он обладает глубокими техническими познаниями в области радиевых руд. Он общается с марсианами с плохой репутацией. Крупная марсианская компания недавно разработала радиактивный двигатель, способный конкурировать с земными. На Марсе очень мало радиактива, и наше правительство не разрешает экспортировать наши собственные запасы. Как вы думаете, сколько бы заплатила компания на Марсе за несколько тонн богатого радиактива, подобного тому, что Грантлайн, возможно, нашел на Луне?

– Но, – возразил я, – это же авторитетная марсианская компания. Ее поддерживает правительство Марсианского Союза. Правительство Марса не посмеет...

– Конечно, нет! – сардонически воскликнул капитан Картер. – Не в открытую! Но если бы у марсианских вояк были запасы радиактива, я не думаю, что имело бы значение, откуда он взялся. Марсианская компания купила бы его, и вы знаете это не хуже меня!

Хэлси добавил:

– А Джордж Принс, как сообщили мне мои агенты, похоже, знает, что Грантлайн находится на Луне. Сложите все это вместе, парни. Маленькие искры показывают наличие невидимого электрического тока.

– Более того – Джордж Принс знает, что мы договорились о том, что "Планетара" остановится на Луне и доставит обратно руду Грантлайна. Это ваше последнее плавание в этом году. Мы уверены, что на этот раз вы получите весточку от Грантлайна. Возможно, он подаст вам сигнал, когда вы будете пролетать мимо Луны. Возвращаясь, вы сделаете остановку на Луне и перевезете всю руду, которую приготовил Грантлайн. Флаер Грантлайна слишком мал для перевозки руды.

Голос Хэлси стал мрачно-саркастическим.

– Не кажется ли вам странным, что Джордж Принс и несколько его марсианских друзей оказались в списке пассажиров этого рейса?

В наступившей тишине мы со Снапом смотрели друг на друга. Хэлси резко добавил:

– Когда мы арестовывали Джорджа Принса четыре года назад, мы напечатали его портрет. Я покажу его вам.

Он щелчком открыл нишу и сказал ожидавшему его помощнику:

– Включите изображение Джорджа Принса.

Почти сразу же на экране появилось изображение. Он стоял перед нами, кисло улыбаясь, и повторял официальную шаблонную фразу:

– Меня зовут Джордж Принс. Я родился в Большом Нью-Йорке двадцать пять лет назад.

Я смотрел на телевизионное изображение Джорджа Принса. Он стоял мрачный в черной форме заключенного, резко выделяясь на фоне ярко-алого фона. Смуглый, почти женственно красивый парень, ростом ниже среднего – измерительный штатив показывал пять футов четыре дюйма. Стройный и невысокий. У него были длинные волнистые черные волосы, спадающие на уши. Бледное, чисто выбритое, очень красивое лицо, практически безбородое.

Я внимательно рассмотрел его. Лицо, которое было бы красивым, если бы не подчеркнута мужественные черные брови и твердо поставленная челюсть. Его голос, когда он говорил, был низким и мягким, но в конце, с заключительными словами: "Я невиновен!", он заиграл решительной мужской силой. Его глаза, затененные длинными девичьими черными ресницами, случайно встретились с моими. "Я невиновен". Его изогнутые чувственные губы сложились в мрачную усмешку.

Хэлси щелкнул кнопкой. Он обернулся к нам со Снапом, когда его помощник задернул занавеску, скрыв от нас экран.

– Ну вот и все. На данный момент у нас нет против него ничего существенного. Но вот что я скажу – он умный парень, которого следует опасаться. Я бы не стал кричать об этом со сцены, но если он и замышляет какой-то заговор, то он слишком умен для моих агентов!

Мы проговорили еще полчаса, после чего капитан Картер отпустил нас. Мы покинули кабинет Хэлси с последними словами Картера, звучавшими в наших ушах.

– Что бы ни случилось, парни, помните, что я доверяю вам...

Мы со Снапом решили проделать часть пути к кораблю пешком. До места, где можно было спуститься на вертикальном лифте прямо на посадочную площадку, было чуть больше мили по подземному коридору.

Мы начали с нижнего уровня. Оказавшись за пределами изолированного кабинета Хэлси, мы не смели говорить на эту тему. Нас могли подстергать не только электрические уши, но и все возможные подслушивающие устройства. Коридор находился на глубине двухсот футов или чуть больше. В этот час ночи деловая часть города была сравнительно пустынна. Все магазины и офисные павильоны были закрыты.

Наши шаги гулко разносились по металлическим конструкциям, когда мы торопливо шли по дороге. Я чувствовал себя подавленным и угнетенным. Казалось, что на меня смотрят чьи-то недобрые глаза. Некоторое время мы шли молча, каждый из нас был занят воспоминаниями о том, что произошло в офисе Хэлси.

Неожиданно Снап схватил меня.

– Что это?

– Где? – прошептала я.

Мы остановились на углу. Здесь был проход. Снап потянул меня в него. Я чувствовала, как он дрожит от волнения.

– Что происходит? – спросила я шепотом.

– За нами следят. Ты что-нибудь слышал?

– Нет!

И все же мне показалось, что я все-таки что-то слышал. Неясные шаги. Шорох. И некий микроскопический вой, как будто в пределах досягаемости от нас находилось какое-то устройство.

Снап пошарил в кармане.

– Подождите! У меня есть пара низкочастотных детекторов.

Он приложил маленькие наушники к ушам. Я услышал, как он резко вдохнул. Затем он схватил меня и потянул вниз, на металлический пол подземного помещения.

– Назад, Грегг! Назад!

Я едва расслышал его шепот. Мы прижались к стенам настолько, насколько это было возможно. Я был вооружен. Официальное разрешение на ношение теплового излучателя-карандаша позволяло мне всегда иметь его при себе. Я достал его только сейчас. Но стрелять было не во что. Я почувствовал, как Снап надевает мне на уши детекторы. И вот я что-то услышал! Усилившиеся отзвуки далеких шагов, которые, как мне показалось, я слышал раньше.

За нами что-то шло! Что-то в глубине прохода! Этот коридор был слабо освещен, но хорошо просматривался, и, насколько я мог судить, он был пуст. Но там что-то было. Что-то невидимое! Я слышал, как оно двигалось. Крадется к нам. Я стянул с ушей наушники.

Снап пробормотал:

– У тебя есть местный телефон?

– Да. Я попрошу их дать нам световой сигнал!

Я нажал на сигнал опасности, сообщив оператору наше местоположение. Через секунду появился свет. Улица во всем районе вспыхнула яркими слепящими бликами. И тут обнаружилось то, что нам угрожало! Фигура в черном плаще, притаившаяся в тридцати футах от нас в другом конце коридора.

Снап был безоружен, но угрожающе выставил руки. Фигура, которая, возможно, не знала о существовании нашей городской защиты, была застигнута врасплох. Человеческая фигура была ростом не менее семи футов, а значит, по моим предположениям, это был марсианин. Черный плащ покрывал его с головой. Он сделал шаг к нам, замешкался, а затем в замешательстве развернулся.

Пронзительный голос Снапа звал на помощь. Неподалеку раздался вой сигнального свистка уличного охранника. Фигура улепетывала! В руке у меня оказался луч-карандаш, и я нажал на его выключатель. Крошечный тепловой луч пронзил воздух, но я промахнулся. Фигура споткнулась, но не упала. Я увидел, как из-под плаща высунулась голая серая рука, чтобы удержать равновесие. Или, возможно, мой луч поразил его руку. Серокожая рука марсианина.

Снап закричал:

– Выдайте ему еще порцию!

Но фигура скрылась за пределом зоны света и исчезла.

Мы задержались в коридоре на десять минут или больше, чтобы дать официальные разъяснения. Затем по команде Хэлси нас отпустили. Марсианина, преследовавшего нас в плаще-невидимке, так и не поймали.

Вырвавшись наконец из толпы, мы вернулись на "Планетару", где уже собирались пассажиры для обратного рейса на Марс.

П

Я стоял на крытом балконе ходовой рубки "Планетары" вместе с капитаном Картером и доктором Фрэнком, корабельным хирургом, и наблюдал за прибывающими пассажирами. Время близилось к нулевому часу; на ярусе трапа царила сумятица. Опустились эскалаторы с последним грузом для перевозки. Но трап был забит прибывающим багажом пассажиров, межпланетными таможенниками и налоговиками с их рентгеновскими и зед-лучевыми аппаратами и самими пассажирами, выстроившимися в очередь на прохождение таможенного досмотра.

На такой высоте городские огни расстилались под нами сине-желтыми бликами. Индивидуальные местные самолеты, словно птицы, снижались к нашей платформе. С Марса в этот рейс отправились тридцать восемь пассажиров, но проклятое желание каждого друга и родственника проводить отъезжающего привело к тому, что сотня или даже больше лишних людей заполнили наши опоры и добавили всем хлопот.

Картер был слишком поглощен своими обязанностями, чтобы оставаться с нами подольше. Но здесь, в ходовой отсеке, мы с доктором Фрэнком оказались в тот момент, когда нам нечем было заняться, кроме как наблюдать.

Доктор Фрэнк представлял собой худого, смуглого, довольно маленького человека лет пятидесяти, подтянутого, в сине-белой униформе. Я хорошо знал его – мы вместе совершили несколько перелетов. Американец, как мне показалось, еврейского происхождения. Симпатич-

ный человек, искусный врач и хирург. Мы с ним всегда поддерживали хорошие дружеские отношения.

– Целая толпа, – сказал он. – Джонсон говорит, что их тридцать восемь. Надеюсь, это опытные путешественники. Эта гипертоническая болезнь – отвратительная неприятность, из-за нее я всю ночь мотаюсь по кораблю, уверяя перепуганных женщин, что они не умрут. В прошлый рейс, выходя из атмосферы Венеры...

Он погрузился в утомительный рассказ о своих проблемах с болеющими космическими путешественниками. Но у меня не было настроения его слушать. Мой взгляд был устремлен на паутиновый трап, по которому над изгибом гладкого серебристого корпуса корабля маленькими группами поднимались пассажиры и их друзья. Верхняя палуба была уже полностью забита ими.

"Планетара", по меркам звездолетов, была не очень большим судном. Цилиндрический корпус, сорок футов в ширину и двести семьдесят пять футов в длину. Пассажирская надстройка – не более ста футов в длину – располагалась посередине корабля. Узкая палуба с металлическим ограждением и большими иллюминаторами "бычий глаз" опоясывала надстройку. Некоторые каюты выходили прямо на палубу. Другие имели двери во внутренние коридоры. Имелось полдюжины небольших, но роскошных общественных помещений.

Остальная часть судна была отдана под грузовые склады и отсеки с механизмами и системами управления. В носовой части пассажирского корпуса уровень палубы переходил под куполообразную круглую крышу в носовую часть. Здесь находилась обсерватория носовой наблюдательной башни, каюты офицеров, штурманские помещения капитана Картера и кабинет доктора Фрэнка. Точно так же под кормовым куполом находилась кормовая наблюдательная вышка и ряд энергетических отсеков.

Над надстройкой, словно металлическая сеть, вились многочисленные мостики, лестницы и балконы. Башня, в которой мы с доктором Фрэнком стояли сейчас, находилась именно здесь. В пятидесяти футах от нее, словно птичье гнездо, прилепилась к металлическому мостику приборная комната Снапа. Куполообразная крыша, с загнутыми назад стеклопакетами, возвышалась в виде кургана и закрывала самую высокую среднюю часть судна.

Внизу, в главном корпусе, по всей длине корабля тянулись освещенные голубым светом металлические коридоры. Отсеки для хранения грузов, комнаты управления гравитацией, система регенерации воздуха, обогреватели, вентиляторы и нагнетательные механизмы – все находилось там. А также кухни, отсеки стюардов и жилые помещения экипажа. В этом рейсе экипаж состоял из шестнадцати человек, не считая штурманов, портье, Снапа Дина и доктора Фрэнка.

Пассажиры, поднявшиеся на борт, представляли собой вполне привычную смесь тех, кто обычно отправлялся в плавание к Феррок-Шану. Большинство из них были землянами и возвращающимися марсианами. Доктор Фрэнк обратил внимание на одного из них. Огромный марсианин в сером плаще. Ростом в семь футов.

– Его зовут Сет Мико, – заметил доктор Фрэнк. – Слышали о нем когда-нибудь?

– Нет, – сказал я. – А должен?

– Ну... – доктор внезапно осекся, словно пожалев, что заговорил.

– Я никогда не слышал о нем, – медленно повторил я.

Между нами повисло неловкое молчание.

Среди пассажиров было несколько представителей Венеры. Я увидел одну из них, поднимающуюся по наклонной плоскости, и узнал ее. Девушка путешествовала одна. Мы привезли ее из Гребхара в прошлый рейс. Я вспомнил ее. Такая же привлекательная девушка, как и большинство из них. Ее звали Венза. Она прекрасно говорила по-английски. Певица и танцовщица, которую привезли в Большой Нью-Йорк для участия в каком-то театральном ангажементе. Она добилась успеха на Большой Белой Дороге.

Она поднялась по трапу вместе с носильщиком. Взглянув вверх, она увидела доктора Фрэнка и меня у окна башни, улыбнулась и приветственно помахала белой рукой.

Доктор Фрэнк рассмеялся.

– Клянусь богами космических путей, это Альта Венза! Ты видел этот взгляд, Грегг? Он предназначался мне, а не тебе.

– Вполне разумно, – ответил я. – Но я сомневаюсь в этом – Вензу нельзя назвать беспристрастной.

Я задавался вопросом, что могло заставить Вензу отправиться на Марс. Я был рад ее видеть. Она была очень интересной. Образованная. Много путешествовала. Говорила по-английски в разговорно-театральной манере, более характерной для Большого Нью-Йорка, чем для Вензы. И при всем ее легком задоре я скорее доверился бы ей, чем любой девушке с Венеры, которую когда-либо встречал.

Раздался гул отправной сирены. Друзья и родственники пассажиров толпились у выхода. Палуба очищалась. Я не видел, как Джордж Принс поднялся на борт. И тут мне показалось, что я вижу его на посадочной площадке, только что вышедшего из частного вагона метро. Маленькая, легкая фигурка. Вокруг него стояли таможенники. Я видел только его голову и плечи. Бледное, по-девичьи красивое лицо; длинные черные волосы до основания шеи. Он был с обнаженной головой, капюшон его дорожного плаща откинут назад.

Я уставился на него и увидел, что доктор Фрэнк тоже смотрит вниз. Но никто из нас не проронил ни слова.

Тогда я порывисто сказал:

– Может быть, мы спустимся на палубу, доктор?

Он согласился. Мы спустились в нижнее помещение башни и по винтовой лестнице поднялись на верхний уровень палубы. Головная часть входного трапа находилась рядом с нами. Впереди двух носильщиков, заваленных ручной кладью, по трапу поднимался Джордж Принс. Теперь он находился ближе. Я узнал его благодаря тому облику, который мы видели в кабинете Хэлси.

И тут, потрясенный, я увидел, что это не он. Это была девушка, поднимающаяся на борт. Дуговой фонарь над трапом ясно показал ее, когда она была уже на полпути вверх. Это была девушка с откинутым капюшоном, ее лицо обрамляли густые черные волосы. Теперь я увидел, что это не мужская стрижка, а длинные косы, закрученные под висящим капюшоном.

Доктор Фрэнк, должно быть, заметил мое изумленное выражение лица.

– Красотка, не правда ли?

– Кто она?

Мы стояли спиной к стене надстройки. Рядом с нами находился пассажир-марсианин, которого доктор Фрэнк назвал Мико. Он застыл на месте и, очевидно, наблюдал за тем, как девушка поднимается на борт. Но когда я взглянул на него, он отвернулся и непринужденно удалился.

Девушка поднялась и пошла на палубу.

– Я занимаю каюту А22, – сказала она носильщику. – Мой брат поднялся на борт пару часов назад.

Доктор Фрэнк ответил на мой шепот.

– Это Анита Принс.

Она проходила совсем близко от нас по палубе, следуя за носильщиком, когда споткнулась и чуть не упала. Я находился к ней ближе всех. Я рванулся вперед и подхватил ее, когда она уже практически упала.

Обхватив ее рукой, я поднял ее и снова поставил на ноги. Она неудачно подвернула лодыжку. Она смогла удержать равновесие. Через мгновение боль видимо утихла.

– Со мной все в порядке – спасибо!

В полумраке освещенной синим светом палубы я встретил ее взгляд. Я прижимал ее к себе, обхватив руками. Она была маленькой и мягкой. Ее лицо, обрамленное густыми черными волосами, улыбалось мне. Маленькое, овальное лицо – красивое, но с твердым подбородком и печатью неповторимой индивидуальности. Ничего общего с пустоголовой красоткой.

– Со мной все в порядке, большое спасибо...

Я осознал, что до сих пор не отпустил ее. Я чувствовал, как ее руки настойчиво толкают меня. И тут мне показалось, что на мгновение она поддалась и прижалась ко мне. И я встретил ее изумленный взгляд. Глаза, похожие на пурпурную ночь с блеском туманного звездного света в них.

Я услышал, как пробормотал:

– Прошу прощения. Да, конечно!

Я разжал руки.

Она еще раз поблагодарила меня и последовала за носильщиками по палубе. При этом она слегка прихрамывала.

На мгновение она прижалась ко мне. Короткая вспышка чувств – от ее глаз к моим, от моих к ее. Поэты пишут, что из такого взгляда может родиться любовь. Первая встреча, преодоление всех барьеров, через которые любовь проникает без спроса, без предупреждения, иногда дерзко. А трубадуры древности пели: "Мимолетный взгляд, прикосновение, два бешено бьющихся сердца – и родилась любовь".

Думаю, у нас с Анитой все так и было.

Я стоял, глядя ей вслед, не обращая внимания на доктора Фрэнка, который наблюдал за мной с загадочной улыбкой. И вот, не более чем через четверть часа после нуля, "Планетара"

отчалила. Плотно закрыв окна купола, мы поднялись с посадочной платформы и взмыли над светящимся городом. Свечение электронных ламп было похоже на хвост кометы за нами, пока мы скользили вверх.

III

В шесть утра по земному восточному времени, которого мы все еще придерживались, мы со Снапом Дином были одни в его аппаратной, расположенной в пространстве над палубой "Планетара". Выпуклость купола окружала нас; он округлялся, как большое окно обсерватории, на высоте около двадцати футов относительно потолка этого маленького металлического закутка.

Планетара все еще находилась в тени Земли. Вокруг нас расстилалась непроницаемая твердь – черное межзвездное пространство с пылающими белыми, красными и желтыми звездами. Луна, почти весь диск которой был освещен, огромным серебристым шаром висела над нашей носовой частью. Позади нее, в стороне, Марс плыл, как красный кончик тлеющей сигары в черноте. За кормой тускло, неярко виднелась Земля – гигантская сфера, испещренная очертаниями океанов и континентов. На вершинах гор полумесяцем поблескивали красно-желтые лучи солнца.

А затем мы вынырнули из тени полумесяца. Солнце с пылающей короной прорвалось сквозь черноту позади нас. Земля превратилась в огромный тонкий полумесяц с крючковатыми концами.

Для нас со Снапом небесное величие было знакомо слишком хорошо, чтобы обращать на него внимание. А в этом путешествии у нас не было настроения рассматривать подобные картины. Я просидел в радиорубке несколько часов. Когда "Планетара" стартовала и мои немногочисленные рутинные обязанности были закончены, я не мог думать ни о чем, кроме наставлений Хэлси и Картера: "Будьте начеку. И особенно следите за Джорджем Принсом".

Я не видел Джорджа Принса. Зато я видел его сестру, о которой Картер и Хэлси не удостоились упомянуть. Мое сердце все еще колотилось от воспоминаний.

Доктор Фрэнк, очевидно, не испытывал особых проблем с заболевшими пассажирами. Компенсаторы "Планетары" были достаточно эффективны. Пробираясь по безмолвным залам и переходам из металла, я подошел к двери А22. Она находилась на нижней палубе, в крошечном поперечном проходе рядом с главной комнатой отдыха. На табличке светились буквы: Анита Принс. Я стоял в своих коротких белых брюках и белой шелковой рубашке, похожий на стюарда, и смотрел на нее. Анита Принс! До этого вечера я никогда не слышал этого имени. Но сейчас, когда я прошептал его, в нем звучала волшебная музыка.

Она была здесь, несомненно, спала, за этой маленькой металлической дверью. Казалось, что эта маленькая овальная решетка – ворота в сказочную страну моих грез.

Я отвернулся. Мысль о лунной экспедиции Грантлайна пронзила меня. Джордж Принс – брат Аниты – тот, за кем меня просили следить. Этот отступник – сообщник неблагонадежных марсиан, замышляющий Бог знает что.

Я увидел на соседней двери, А20, надпись "Джордж Принс". Я прислушался. В звенящей тишине корабельного салона из этих кают не доносилось ни звука. Каюта А20 была без иллюминатора, я это знал. Но в комнате Аниты имелись иллюминатор и дверь, выходящая на палубу. Я прошел через гостиную, вышел через ее арку и прошел по палубе. Дверь и окно на палубе А22 были закрыты и темны.

Палуба тускло освещалась белым светом звезд из боковых иллюминаторов. Здесь стояли стулья, но все они были пусты. Из носовых окон арочного купола лунный свет отбрасывал на палубу длинные косые тени. В углу, где заканчивалась надстройка, мне показалось, что я увидел фигуру, которая притаилась, словно наблюдая за мной. Я было направился туда, но она исчезла.

Я повернул за угол, прошел по всей ширине корабля на другую сторону. Никого не было видно, кроме наблюдателя на капитанском мостике, высоко в носовой части, и второго офицера, дежурившего на галерее башни почти прямо надо мной.

Стоя и прислушиваясь, я вдруг услышал шаги. Со стороны носовой части судна появилась фигура. Казначей Джонсон.

Он поприветствовал меня.

– Прохлаждаешься, Грегг?

– Да, – ответил я.

Он прошел мимо меня и вошел в дверь курительной комнаты неподалеку.

Я постоял немного у одного из палубных иллюминаторов, глядя на звезды, и без малейшей причины почувствовал, что напрягся. Джонсон был большим любителем регулярного сна – бродить по кораблю в такой час было совершенно не похоже на него. Неужели он следил за мной? Я сказал себе, что это чепуха. В этом рейсе я с подозрением относился ко всем и ко всему.

Я услышал еще чьи-то шаги. Капитан Картер показался из своей рубки, которая находилась в центре сужающегося открытого пространства палубы у носа корабля. Я сразу же присоединился к нему.

– Кто это был? – полусшепотом спросил он.

– Джонсон.

– Ах, да.

Он порылся в своей униформе; его взгляд метнулся по освещенной луной палубе.

– Грегг, возьми это.

Он протянул мне небольшую металлическую коробку. Я сразу же засунул ее под рубашку.

– Изолятор, – быстро добавил он. – Снап в своем кабинете. Отнеси ему, Грегг. Останься с ним – так ты будешь в безопасности и сможешь помочь ему сделать фотографии.

Он говорил почти шепотом.

– Я не останусь с вами – не стоит создавать впечатление, что мы делаем что-то необычное. Если ваши приборы что-то покажут или если Снап перехватит какое-нибудь сообщение, принесите его мне.

А потом громко добавил:

– Что ж, в настоящее время будет довольно спокойно, Грегг.

Он направился к своей картографической комнате.

– Боже мой, какое облегчение! – пробормотал Снап, когда напряжение спало.

Мы подключили к его кубрику изолятор, и в пределах его действия мы могли хотя бы разговаривать с некоторой долей свободы.

– Ты видел Джорджа Принса, Грегг?

– Нет. Он приписан к номеру А20. Но я видел его сестру. Снап, никто никогда не упоминал...

На самом деле Снап слышал о ней, но не знал, что она была включена в список пассажиров этого рейса.

– Настоящая красавица, как я слышал. Проклятье для порядочной девушки иметь такого брата.

Я вполне мог с ним согласиться...

Было уже шесть утра. Всю ночь Снап был занят обработкой обычных косморациограмм с Земли, полученных после нашего отлета. Рядом с ним лежала целая стопка.

– Ничего странного? – спросил я.

– Нет. Ничего.

В это время мы находились не более чем в шестидесяти пяти тысячах миль от поверхности Луны. Вскоре "Планетара" должна была взять прямой курс на Марс. В этой близости от

Луны не было ничего, что могло бы вызвать беспокойство пассажиров; обычно мы использовали притяжение спутника для придания дополнительной стартовой скорости.

Рано или поздно должно было прийти сообщение от Грантлайна. Он должен был находиться на противоположной от Земли стороне Луны. Пока Снап торопливо выполнял свои обязанности, я обследовал поверхность Луны с помощью нашего оптического прибора.

Но там ничего не было. Коперник и Кеплер лежали в лучах солнечного света. Высоты лунных гор, глубины бесплодных, пустых морей были вытравлены черным и белым, ясным и чистым. Мрачное, запредельное запустение, вот что такое эта неизменная Луна. В романтике лунный свет может мерцать и искриться, озаряя улыбку влюбленного, но в реальности Луна холодна и мрачна. Не нашлось ничего, что могло бы поведать моим любопытным глазам о том, где может находиться бесстрашный Грантлайн.

– Совсем ничего, Снап.

Приборы Снапа, уже час как настроенные на восприятие самых слабых сигналов, оставались безучастными.

– Если он накопил сколько-нибудь заметное количество руды, – сказал Снап. – Мы должны были бы получить сигнал от ее излучения.

Но наш приемный экран был темным, ничем не тронутым. Зеркальная система давала увеличенные изображения; спектроскоп, перебирая диапазоны длин волн, показывал уровни гор и медленно опускался в глубины морей.

Но ничего не было.

И все же в этих лунных пещерах – миллионах миллионов углублений среди скал этой изрезанной, бесплодной поверхности – вполне могла таиться точка маршрута, по которому могла двигаться экспедиция Грантлайна! Мог ли он заизолировать руду, опасаясь, что ее лучи выдадут его присутствие враждебным наблюдателям?

А может быть, его постигла беда? Возможно, его вообще нет на этом полушарии Луны...

Мое воображение, обостренное фантазией о затаившейся угрозе, которая, казалось, была повсюду на "Планетаре" в этом путешествии, бушевало тревогами за Джонни Грантлайна. Он обещал выйти на связь в ходе этого рейса. Оставалось только ждать, и возможно, не дожидаться.

Пробило шесть тридцать. Мы были уже далеко за пределами земной тени. Небо пылало яркими красками; Солнце позади нас представляло собой шар желто-красного скачущего пламени. Земля висела огромным, тускло-красным сводом.

Мы находились в сорока тысячах миль от Луны. Гигантский белый шар – весь его диск виден невооруженным глазом. Он завис над носом корабля, а затем, когда "Планетара" взяла курс на Марс, переместился на борт. Свет от него ослепительно сверкал в наших иллюминаторах.

Снап, надвинув на лоб привычные красные целлулоидные очки, работал над нашими приборами.

– Грегг!

Приемный экран слабо светился. Его бомбардировали лучи! Он светился, фосфоресцировал, и звуковой регистратор начал издавать тоненькие звенящие нотки.

Гамма-лучи! Щелчок – и все циферблаты запрыгали. Направление и сила излучения вскоре стали очевидны. На этом полушарии Луны было сосредоточено богатое радиоактивное рудное тело! Это было совершенно явным.

– Он нашел его, Грегг! Он...

Крошечные антенны начали дрожать. Снап торжествующе воскликнул:

– Вот и он! Боже, наконец-то сообщение!

Снап расшифровал его.

"Успех! Остановитесь для добычи руды на обратном пути. Позже я сообщу вам наше местоположение. Успех превзошел самые смелые надежды."

Снап пробормотал:

– Вот и все. Руда у него!

Мы сидели в темноте, и вдруг я осознал, что через открытое окно, куда был выведен изоляционный барьер, доносится слабое шипение воздуха. Помехи! Я увидел крошечный вихрь фиолетовых искр. Кто-то – какой-то враждебный луч с палубы под нами или с подвесного мостика, ведущего в нашу маленькую комнату, – точно пытался проникнуть внутрь!

Снап импульсивно потянулся к поглотителям, чтобы впустить наружный свет. Но я остановил его.

– Подожди!

Я отключил наш барьер, открыл дверь и шагнул на узкий металлический мостик.

– Оставайся здесь, Снап! – прошептал я.

А затем громко добавил:

– Что ж, Снап, я иду спать. Рад, что ты разобрался с этой кучей бумаг.

Я захлопнул за собой дверь. Кружево металлических мостиков казалось пустым. Я посмотрел на купол, вперед и на корму. В двадцати футах подо мной находилась металлическая крыша надстройки рубки. Под ней виднелись обе стороны палубы. Все было залито лунным светом.

Внизу никого не было видно. Я спустился по трапу. Палуба была пуста. Но в тишине что-то двигалось! Шаги удалялись от меня по палубе! Я последовал за ними и вдруг побежал. Преследуя нечто, что я мог слышать, но не мог видеть. Он свернул в курительную комнату.

Я ворвался внутрь. И реальный шум заглушил призрачный. В полумраке одиноко сидел Джонсон, портье. Он курил. Я заметил, что от его сигары остался длинный хрупкий пепел. Он вряд ли был тем, кого я преследовал. Он сидел совершенно спокойно. Толстошей, грузный парень, который легко мог запыхаться. Но сейчас он дышал совершенно ровно.

Он поднял голову, изумленный моим внезапным появлением, и пепел посыпался с его сигары.

– Грегг! Какого дьявола...

Я попытался улыбнуться.

– Я иду спать – всю ночь работал, помогая Снапу.

Я прошел мимо него и вышел через дверь в главный коридор. Это был единственный путь, по которому мог пройти невидимый наблюдатель. Но я уже опоздал – я ничего не слышал. Я бросился вперед, в главный холл. Там было пусто, темно и тихо, тишину нарушил слабый щелчок – это поспешно закрылась дверь каюты. Я повернулся и оказался в крошечном поперечном проходе. Передо мной были двери-близнецы А20 и А22.

Невидимый шпион зашел в одну из этих комнат! Я прислушался у каждой из дверей, но внутри царил тишина.

Вдруг внутри корабля запела сирена стюарда – призыв к пробуждению пассажиров. Это заставило меня вздрогнуть. Я поспешно отошел подальше. Но когда сирена замолкла, в тишине я услышала мягкий музыкальный голос:

– Проснись, Анита, кажется, это сигнал к завтраку.

И ее ответ:

– Хорошо, Джордж.

IV

Я не присутствовал на утренней трапезе. Я был измотан и одурманен недосыпанием. У меня была свободная минутка для того, чтобы рассказать Снапу о случившемся. Затем я разыскал Картера. Он изолировал свою маленькую комнату с картами. Но мы были настороже. Я рассказал ему, что мы со Снапом узнали: излучение с Луны, доказывающее, что Грантлайн сконцентрировал значительное рудное богатство. Я также рассказал ему о сообщении Грантлайна.

– Мы остановимся на обратном пути, как он распорядится, Грегг.

Он наклонился ближе ко мне.

– В Феррок-Шане я собираюсь выставить кордон межпланетной полиции. Безусловно, секрет будет раскрыт, когда мы остановимся на Луне. Мы не имеем права даже сейчас лететь на этом судне без охраны.

Он был очень серьезен. И он помрачнел, когда я рассказал ему о невидимом наблюдателе.

– Вы думаете, он подслушал сообщение Грантлайна? Кто это был? Вы, по-видимому, считаете, что это был Джордж Принс?

Я сказал ему, что уверен в том, что подслушивающий зашел в А20. Когда я упомянул портье, который, похоже, наблюдал за мной в начале ночи и снова сидел в курительной комнате, когда подслушивающий проскочил мимо, Картер бросил взволнованный взгляд.

– С Джонсоном все в порядке, Грегг.

– Он что-нибудь знает об этом деле Грантлайна?

– Нет-нет, – поспешно ответил Картер. – Вы ведь не упоминали об этом, не так ли?

– Конечно, не упоминал. Но почему Джонсон не заметил этого подслушивающего? И что он вообще там делал в этот час ночи?

Капитан проигнорировал мои вопросы.

– Я прикажу обыскать апартаменты Принса – мы должны быть максимально осторожны. Иди спать, Грегг, тебе нужен отдых.

Я отправился в свою каюту. Она находилась на корме, на кормовой палубе, рядом с кормовой наблюдательной вышкой. Небольшая металлическая комната со стулом, столом и койкой. Я убедился, что в ней никого нет. Я запер дверь и оконную переборку, поставил сигнал тревоги на случай, если они откроются, и лег спать.

Меня разбудил звук оповещения о полуденной трапезе. Я крепко спал. Я почувствовала себя отдохнувшим.

Когда я вошел в обеденный салон, пассажиры уже собрались за своими столами. Это было низкое сводчатое металлическое помещение с голубыми и желтыми светильниками. В овальных иллюминаторах по бокам виднелась палуба с иллюминаторами на поверхности купола, через которые открывался вид на звездный небосвод. Мы держали курс на Марс. Луна уменьшилась до световой точки возле полумесяца Земли. А за ними пылало наше Солнце, казавшееся самым большим шаром в небесах. От Земли до Марса было шестьдесят восемь миллионов миль. Обычный полет занимает около десяти дней.

В обеденном салоне было пять столов, каждый на восемь мест. Нам со Снапом достался один из таких столов. Мы сидели по концам, а пассажиры – по бокам.

Снап был на своем месте, когда я появился. Он окинул меня взглядом через весь стол. В веселом настроении он представил меня трем уже сидящим мужчинам:

– Это наш третий офицер, Грегг Хальян. Большой, красивый парень, не правда ли? И такой же приятный, как и симпатичный. Грегг, это Серо Об Хан.

Я встретился с острым, мрачным взглядом венерианца средних лет. Невысокий, стройный изящный мужчина с гладкими черными волосами. Его заостренное лицо, подчеркнутое острой бородкой, было бледным. На нем была бело-фиолетовая мантия, на груди – огромное платиновое украшение, напоминающее переплетенные звезду и крест.

– Я счастлив познакомиться с вами, сэр.

Его голос был мягким и глубоким.

– Об Хан, – повторил я. – Несомненно, я должен был слышать о вас, но...

Улыбка заиграла на его тонких серых губах.

– Это моя ошибка, а не ваша. Моя миссия заключается в том, чтобы обо мне узнала вся Вселенная.

– Он проповедует религию венерианских мистиков, – пояснил Снап.

– А этот просвещенный джентльмен, – иронично заметил Об Хан, кивнув в сторону мужчины, – только что назвал ее фетишизмом. Невежество...

– О, Боже! – запротестовал человек, сидящий рядом с Об Ханом. – Вы, кажется, думаете, что я имел в виду что-то оскорбительное. А на самом деле...

– Мы спорим, Грегг, – рассмеялся Снап. – Это сэр Артур Конистон, английский джентльмен, лектор и любитель путешествий по космосу – то есть он будет любителем путешествий по космосу; он сказал нам, что планирует совершить несколько путешествий.

Высокий англичанин в белом льняном костюме поклонился в знак признательности.

– Мое почтение, мистер Хальян. Надеюсь, у вас нет сильных религиозных убеждений, иначе мы сделаем этот обед весьма скверным!

Третий пассажир, очевидно, не участвовал в споре. Снап представил его как Рэнса Рэнкина. Американец – спокойный, светловолосый парень лет тридцати пяти-сорока.

Я заказал себе обед и продолжил дискуссию.

– Это ничуть не расстроит меня, – сказал Снап. – Я люблю спорить. Вы сказали, сэр Артур...

– Я хочу заметить, что, по-моему, я сказал много лишнего. Мистер Рэнкин, вы более дипломатичны.

Рэнкин рассмеялся.

– Я фокусник, – сказал он мне. – Театральный артист. Я занимаюсь фокусами – тем, как одурачить публику...

Его острый, веселый взгляд был устремлен на Об Хана.

– У нас с этим джентльменом с Венеры слишком много общего, чтобы спорить.

– Грубовато! – воскликнул англичанин. – Ей-богу! В самом деле, мистер Рэнкин, вы слишком грубы!

Я понял, что в этом рейсе мы обречены на беспокойные трапезы. Я люблю есть в тишине; спорящие пассажиры всегда раздражают меня. За нашим столом оставалось еще три свободных места; мне было интересно, кто их займет. Вскоре я узнал ответ – по крайней мере, на одно место. Рэнкин спокойно сказал:

– Где же девушка с Венеры?

Его взгляд упал на пустое место по правую руку от меня.

– Венза, ведь так ее зовут? Мы с ней будем играть в одном театре в Феррок-Шане.

Значит, Венза будет сидеть рядом со мной. Это была хорошая новость. Десять дней религиозных споров по три раза в день были бы невыносимы. Но веселая Венза могла бы помочь.

– Она никогда не принимает полуденную трапезу, – сказал Снап. – Она сидит на палубе и пьет апельсиновый сок. Наверное, это старый бред про диету, не так ли?

Мой взгляд блуждал по салону. Большинство мест было занято. За капитанским столом я увидел объекты моих поисков: Джорджа Принса и его сестру, по одному с каждой стороны от капитана. Джордж Принс показался мне сейчас человеком, которому на вид было едва ли двадцать пять. В этот момент он явно находился в приподнятом настроении. Его чисто выбритый, красивый профиль с поэтическими темными кудрями был повернут ко мне. В нем не было ничего от злодея.

А Анита Принс показалась мне темноволосой, черноглазой красавицей, чертами лица очень напоминавшей своего брата. Вскоре она закончила трапезу. Она поднялась, а за ней и он. Она была одета по земной моде: белая блузка и темный жакет, широкие, до колен, серые брюки, единственным украшением которых был красный пояс. Она прошла мимо меня и улыбнулась.

Мое сердце заколотилось. Я ответила на ее приветствие и встретила непринужденный взгляд Джорджа Принса. Он тоже улыбнулся, как бы в знак того, что сестра рассказала ему о

той услуге, которую я ей оказал. Или его улыбка была ироничным воспоминанием о том, как он ускользнул от меня сегодня утром, когда я преследовал его?

Я смотрела вслед его маленькой фигурке в белом костюме, когда он следовал за Анитой из салона. И, думая о ней, я молилась, чтобы Картер и Хэлси ошиблись. Какой бы заговор ни готовился против экспедиции Грантлайна, я надеялся, что Джордж Принс в нем не участвует. Но в глубине души я понимал, что это тщетная надежда. Принс был тем, кто подслушивал у радиорубки. В этом я не сомневался. Но в том, что его сестра должна быть в неведении относительно того, что он делал, я был уверен.

Мое внимание внезапно вернулось к реальности нашего стола. Я услышал тихий голос Об Хана.

– Прошлой ночью мы прошли довольно близко от Луны, мистер Дин.

– Да, – сказал Снап. – Это ведь так, правда? Так всегда бывает – это техническая задача межзвездной навигации. Объясни им, Грегг. Ты же эксперт.

Я со смехом отмахнулся от него. Наступило короткое молчание. Я не мог не заметить странного взгляда сэра Артура Конистона и никогда не видел такого пристального взгляда, какой бросил на меня Рэнсом Рэнкин. Неужели все трое знали о сокровищах Грантлайна на Луне? Мне вдруг показалось, что да. В тот момент я горячо пожелал, чтобы десять дней этого путешествия закончились. Капитан Картер был прав. Когда мы вернемся, на борту должен быть кордон межпланетной полиции.

Сэр Артур нарушил неловкое молчание.

– Луна – великолепное зрелище с такого близкого расстояния, хотя я слишком сильно боялся, что меня укачает, чтобы встать и понаблюдать за ней.

Я уже почти закончил свою торопливую трапезу, когда меня потрясло еще одно происшествие. Два других пассажира пришли за наш столик и заняли свои места. Марсианская девушка и мужчина. Девушка заняла место слева от меня, а мужчина – рядом с ней. Все марсиане высокие. Девушка была примерно моего роста. То есть шесть футов и два дюйма. Мужчина был семи футов или больше. Оба были одеты в марсианскую верхнюю одежду. Девушка откинула свою. Ее конечности были обтянуты псевдокожей. Она выглядела, как и все марсианки – очень воинственной амазонкой. Но она была симпатичной девушкой. Она улыбнулась мне и посмотрела на меня острым, прямым взглядом.

– Мистер Дин сказал за завтраком, что вы большой и красивый. Так оно и есть.

Они были братом и сестрой, эти марсиане. Снап представил их как Сет Мико и Сетта Моа – марсианский эквивалент мистера и мисс.

Этот Мико был, по земным меркам, огромным, мускулистым гигантом. При всех своих семи футах роста этот парень не был щедушным, как большинство марсиан, а был довольно плотным. Под одеянием он носил плетеную кожаную кольчугу, а на коленях – кожаные штаны, из-под которых виднелись серые мощные ноги. Он вошел в салон с размашистой походкой, звеня украшенным мечом.

– Приятное путешествие, – сказал он мне, приступая к трапезе. В его голосе звучал тяжелый, горловой хрип, характерный для марсиан. Он прекрасно говорил по-английски – и марсиане, и жители Венеры по наследству обладают выдающимися способностями к языкам. У Мико и его сестры Моа был марсианский акцент, который почти стерся в результате многолетней жизни в Большом Нью-Йорке.

Шок для меня наступил через несколько минут. Мико, поглощенный трапезой, нечаянно отодвинул край халата, обнажив предплечье. Лишь на мгновение, затем оно опустилось до запястья. Но за это мгновение я успел заметить на серой плоти тонкий рубец, окрасившийся в красный цвет. Совсем недавний ожог – как будто на руку упал луч термокарандаша.

Мысли вернулись назад. Только вчера вечером в городском квартале нас со Снапом преследовал марсианин. Я выстрелил в него тепловым лучом и мне показалось, что я попал ему

в руку. Неужели это тот самый таинственный марсианин, который следовал за нами из офиса Халси?

V

Вскоре после полуденной трапезы я все-таки встретил Вензу, сидящую на освещенной звездами палубе. Я был в носовой обсерватории, делал обычные расчеты нашего местоположения и обрабатывал их. Думаю, из всех офицеров "Планетары" я был самым опытным в обращении с математическими калькуляторами. Определение нашего местоположения и построение траектории нашего курса – вот и все, что мне приходилось делать в обыденных обстоятельствах. И это занимало всего несколько минут каждые двенадцать часов.

У меня была возможность поговорить с Картером в уединении его комнаты для составления карт.

– Этот рейс! Грегг, я становлюсь похожим на тебя – слишком причудливым. Вроде бы у нас нормальный контингент пассажиров, но ни один из них мне не нравится. Этот Об Хан, за вашим столиком...

– Зловещий тип, – прокомментировал я. – Они с англичанином здорово спорят. Вы обыскивали каюту Принса?

Я затаил дыхание, ожидая его ответа.

– Да. Среди его вещей нет ничего необычного. Мы обыскали и его комнату, и комнату его сестры.

Я не стал развивать эту тему. Вместо этого я рассказал ему об ожоге на руке Мико.

Он уставился на меня.

– Хотел бы я, чтобы мы были на Феррок-Шане. Грегг, сегодня вечером, когда пассажиры уснут, приходи ко мне. Снап тоже будет здесь, и доктор Фрэнк. Ему мы можем доверять.

– Он знает о сокровищах Грантлайна?

– Да. И Балч с Блэкстоуном тоже.

Балч и Блэкстоун были нашим первым и вторым офицерами.

– Мы все встретимся здесь, Грегг, примерно в ноль часов. Мы должны принять некоторые меры предосторожности".

Затем он отпустил меня.

Я нашел Вензу сидящей в одиночестве в освещенном звездами уголке уединенной палубы. Перед ней был иллюминатор с черными небесами и пылающими звездами. Рядом оказалось свободное место.

Она поприветствовала меня венерианской формой шутивного, интимного приветствия:

– Ола-ло, Грегг! Присядь здесь со мной. Я все думала, когда же ты прийдешь за мной.

Я сел рядом с ней.

– Зачем ты летишь на Марс, Венза? Я очень рад тебя видеть.

– Большое спасибо. И я рада видеть тебя, Грегг. Какой красивый мужчина. Знаешь, от Венеры до Земли и, не сомневаюсь, до Марса ни один мужчина не порадует меня больше.

– Острый язычок, – рассмеялась я. – Рожденная для лести мужчинам – как каждая девушка в твоём мире.

И потом добавил очень серьезно:

– Вы не отвечаете на мой вопрос. Что привело вас на Марс?

– Контракт. К звездам, а как же иначе? И конечно, шанс совершить путешествие с вами...

– Не глупи, Венза.

Я наслаждался ею. Я смотрел на ее маленькую, стройную фигурку, откинувшуюся в шезлонге. Ее длинный серый халат, разумеется, был расстегнут специально, чтобы показать ее стройные, обтянутые атласом ноги. Ее черные волосы были свернуты в тяжелый узел на затылке, пунцовые губы приоткрыты в насмешливой, манящей улыбке. Экзотический аромат ее духов окутал меня.

Она бросила на меня косой взгляд из-под черных ресниц.

– Будьте посерьезнее, – добавил я.

– Я серьезна. Трезва. Опынена тобой, но трезва.

Я спросил:

– Что за контракт?

– Театр в Феррок-Шане. Хорошие деньги, Грегг. Я пробуду там год.

Она села, повернувшись ко мне лицом.

– Здесь, на Планетаре, есть один парень, он называет себя Рэнсом Рэнкином. Он сидит за нашим столиком – большой, симпатичный блондин-американец. Он говорит, что он фокусник. Слышали о нем когда-нибудь?

– Он так мне и сказал. Но я никогда о нем не слышал.

– Я тоже. А я думала, что слышала обо всех важных персонах. Он приглашен в тот же театр, что и я. Приятный парень.

Она сделала паузу, а затем добавила:

– И если он профессиональный артист, то я – заправщица.

Это меня поразило.

– Почему вы так говорите?

Инстинктивно я окинул взглядом палубу. В поле зрения, но не в пределах слышимости, находились земная женщина с ребенком и маленький мужчина с Венеры.

– Почему у тебя такой настороженный вид? – ответила она. – Грегг, в этом путешествии есть что-то странное. Я не дура, равно как и ты, так что ты должен знать об этом не хуже меня.

– Рэнсом Рэнкин... – напомнил я.

Она наклонилась поближе ко мне.

– Он может одурачить вас. Но не меня – я знаю достаточно много фокусников.

Она усмехнулась.

– Я бросила ему вызов, чтобы он попытался проделать фокус со мной. Видел бы ты, как он изворачивался!

– Вы знаете Об Хана? – поинтересовался я.

Она покачала головой.

– Никогда о нем не слышала. Но он много рассказывал мне за завтраком. Клянусь дьяволом, что за словесный поток у этого чертенка! Они с англичанином не очень-то ладят, верно?

Она уставилась на меня. Я не ответил на ее усмешку: мои мысли были слишком заняты странными картинками. Слова Хэлси: "Вещи не всегда такие, какими кажутся..."

Были ли эти пассажиры участниками маскарада? Неужели их привел сюда Джордж Принс? И тут я вспомнил о марсианине Мико и ожоге на его руке.

– Вернись, Грегг! Не уходи так далеко! – она понизила голос до шепота. – Я буду говорить серьезно. Я хочу знать, что, черт возьми, происходит на борту этого корабля. Я женщина, и мне любопытно. Ты мне все расскажешь.

– Что ты имеешь в виду? – парировала я.

– Я имею в виду многое. Например, то, о чем мы только что говорили. И что за беспокойство охватило вас сегодня утром перед завтраком?

– Беспокойство?

– Грегг, ты можешь мне доверять.

Впервые она была совершенно серьезна. Взгляд ее внимательно следил за тем, чтобы никто нас не услышал. Она положила руку мне на плечо. Я едва расслышал ее шепот:

– Я знаю, что они могут направить на нас луч. Я буду осторожна.

– Кто они?

– Да кто угодно. Что-то происходит. Ты это знаешь. Ты в этом участвуешь. Я видела тебя сегодня утром, Грегг. С дикими глазами, в погоне за призраком...

– Ты?

– И я тоже слышала призрака! Шаги человека. Магнитный, отражающий, невидимый плащ. Этим нельзя одурачить всех зрителей, это слишком банально. Если бы Рэнсом Рэнкин попытался...

Я схватил ее за руку.

– Не болтай, Венза! Ты видела меня?

– Да. Дверь моей каюты была открыта. Я сидела с сигаретой. В курительной комнате я увидела портье. Он был виден из...

– Подождите! Венза, этот шпион прошел через курительную комнату!

– Я знаю, что он это сделал. Я его слышала.

– А портье его слышал?

– Конечно. Он поднял голову и проследил взглядом за звуком. Я подумала, что это странно. Он так и не сделал ни одного движения. А потом появились вы, и он стал вести себя совершенно непричастно. Почему? Что происходит, вот что я хочу знать?

Я затаил дыхание.

– Венза, где скрылся соглядатай? Ты можешь...

Она спокойно прошептала:

– В А20. Я видела, как открывалась и закрывалась дверь. Мне даже показалось, что я вижу его размытые очертания.

Она добавила:

– Почему Джордж Принс должен был красться за вами? А портье ведет себя как будто вовсе ничего не случилось? И вообще, кто такой этот Джордж Принс?

По палубе прогуливался огромный марсианин Мико со своей сестрой Моа. Они кивнули, проходя мимо нас.

Я прошептал:

– Сейчас я ничего не могу объяснить. Но ты права, Венза – что-то происходит. Слушайте! Что бы вы ни узнали, с чем бы ни столкнулись, что бы ни показалось вам необычным, вы расскажете мне? Я... ну, я доверяю вам. Правда, доверяю, но рассказывать обо всем не стану.

В ее мрачных глазах появился блеск.

– Ты очень милый, Грегг. Я не буду сомневаться в тебе.

Она трепетала от волнения.

– Что бы это ни было, я хочу в этом участвовать. Вот что я могу сказать вам сейчас. У нас на борту два высококлассных игрока в золотые листья. Ты знаешь об этом?

– Кто они?

– Шак и Дад Ардли. Их знает каждый детектив в Большом Нью-Йорке. Сегодня утром они отлично сыграли с этим англичанином, сэром Артуром. Сняли с него полфунта восьмидюймовых листьев – маленькую аккуратную стопочку. Конечно, игра была нечестной. Эти парни обладают более ловкими пальцами, чем Рэнсом Рэнкин!

Я сидел и смотрел на нее. Эта девушка была просто кладезем информации.

– И Грегг, я испробовала свои чары на Шаке и Даде. Милые мужчины, но туповаты. Что бы ни происходило, они в этом не участвуют. Они хотели разобраться, что это за корабль. Почему? Потому что у Шака есть свой маленький подслушивающий микрофон. Он работал вчера вечером. Он подслушал, как Джордж Принс и этот гигантский Мико спорили о Луне!

Я вздрогнул:

– Венза! Полегче...

Вопреки всем правилам приличия на этой общей палубе она притворилась, что готова накинуться на меня. Ее волосы закрывали мне лицо, а губы почти касались моего уха.

– Что то про сокровища на Луне. Шак не мог понять, что именно. И они упомянули тебя. А потом к ним присоединился портье.

Ее слова, произнесенные шепотом, сыпались одно за другим.

– Сто фунтов листового золота – такова цена портье. Он с ними – что бы это ни было. Он обещал сделать для них кое-что интересное.

Она замолчала.

– И что? – спросил я.

– Это все. Ток Шака перебили.

– Скажи ему, чтобы попробовал еще раз, Венза! Я поговорю с ним. Нет! Я лучше оставлю его в покое. Ты можешь заставить его держать рот на замке?

– Я думаю, он сделает все, что я ему скажу. Он же мужчина!

– Выясни все, что сможешь.

Она резко отстранилась от меня.

– А вот и Анита и Джордж Принс.

Они подошли к краю палубы, но повернули назад. Венза поймал мой взгляд. И поняла его.

– Ты влюбился в Аниту Принс, Грегг? – улыбнулась Венза. – Я бы хотела, чтобы ты... Я бы хотела, чтобы какой-нибудь красивый мужчина, вроде тебя, так же смотрел на меня.

Она стала выглядеть очень торжественно.

– Возможно, вам будет интересно узнать, что и она тоже вас любит. Я это прекрасно вижу. Я поняла это, когда сказала ей о вас сегодня утром.

– Меня? Мы же почти не разговаривали!

– А разве это необходимо? Я никогда не слышала, чтобы это было необходимо.

Я не мог видеть лица Вензы; она внезапно встала. Когда я встал рядом с ней, она прошептала:

– Мы не должны так долго разговаривать. Я выясню все, что смогу.

Я смотрел вслед ее легкой фигурке в мантии, когда она свернула в арку гостиной и исчезла.

VI

Капитан Картер был мрачен.

– Значит, они его подкупили, так? Иди и приведи его сюда, Грегг. Сейчас мы с ним разберемся.

Снап, доктор Фрэнк, Балч, наш первый офицер, и я находились в комнате капитана. Было четыре часа дня по земному времени. Мы находились в рейсе всего шестнадцать часов.

Я нашел Джонсона в его кабинете в холле.

– Капитан хочет вас видеть. Закройте окно.

Он закрыл окно перед лицом американской пассажирки, которая добивалась подробностей о марсианской валюте, и прошел за мной следом.

– В чем дело, Грегг?

– Я не знаю.

Капитан Картер задвинул заслонку. Помещение рубки было изолированным. Гул от электрического тока был очевиден. Джонсон обратил на него внимание. Он уставился на недружелюбные лица хирурга и Балча. И начал блеять.

– В чем дело? Что-то не так?

Картер не стал тратить слов.

– У нас есть информация, Джонсон, что на борту действует тайный заговор. Я хочу знать, в чем дело. Давайте вы нам все расскажете об этом.

Глаза портье приняли непонимающий вид.

– Что вы имеете в виду? У нас на борту есть азартные игроки, если это...

– К черту все это, – прорычал Балч. – У вас состоялась тайная беседа с этим марсианином, Сетом Мико, и с Джорджем Принсом!

Джонсон нахмурился из-под тяжелых бровей, а затем удивленно поднял их.

– Разве? Вы подразумеваете, что я менял их деньги? Мне не нравится ваш тон, Балч. Я не ваш подчиненный!

– Но вы подчиняетесь мне! – прорычал капитан. – Ей-богу, я здесь хозяин!

– Ну, это я не оспариваю, – мягко сказал портье. – Этот парень...

– Мы не в том настроении, чтобы спорить, – вклинился доктор Фрэнк. – Вопрос запутанный...

– Я не позволю его замять, – воскликнул капитан.

Я никогда не видел Картера таким озлобленным. Он добавил:

– Джонсон, вы ведете себя подозрительно. Мне наплевать, есть у меня доказательства или нет. Так вы встречались или нет с Джорджем Принсом и тем марсианином прошлой ночью?

– Нет, не встречался. И я не постесняюсь сказать вам, капитан Картер, что ваш тон также оскорбителен!

– Правда?

Картер схватил его. Они оба были крупными мужчинами. Тяжелое лицо Джонсона стало пурпурно-красным.

– Уберите руки!

Они стали бороться. Руки Картера шарили по карманам портье. Я вскочил на ноги, обхватил Джонсона за шею и прижал его к себе.

– Полегче! Мы справимся с тобой, Джонсон!

Снап попытался помочь мне.

– Давай! Врежь ему по башке, Грегг. Это твой уникальный шанс!

Мы обыскали его. Цилиндр теплового луча – это было законно. Но мы нашли маленький аккумулятор и подслушивающее устройство, похожее на то, которое, как упомянула Венза, носил с собой игрок Шак.

– Зачем вам это? – поинтересовался капитан.

– Не ваше дело! Разве это преступление? Картер, я добьюсь, чтобы линейное начальство уволило тебя за это! Уберите от меня руки – все до одного!

– Посмотрите на это! – воскликнул доктор Фрэнк.

Из нагрудного кармана Джонсона хирург достал сложенный документ. Это был масштабный чертеж внутренних коридоров "Планетары", нижних комнат управления и механизмов. Он всегда хранился в сейфе Джонсона. А вместе с ним – еще один документик: допуск к управлению кораблем – секретные коды-пароли для этого рейса, которые мы должны будем использовать, если на нас позарится какой-нибудь корабль межпланетной полиции.

Снап вскрикнул:

– Боже мой, это же было в моем сейфе в радиорубке! Я единственный на этом судне, кроме капитана, кто имеет право знать эти пароли!

В наступившей тишине Балч требовательно спросил:

– Ну, и что с этим делать, Джонсон?

Портье по-прежнему держался вызывающе.

– Я не буду отвечать на ваши вопросы, Балч. В подходящее время я все объясню... Грегг Хальян, вы меня душиите!

Я ослабил хватку. Но я все-таки потрянул его.

– Вам лучше заговорить.

Он невозмутимо молчал.

– Хватит! – взорвался Картер. – Он все объяснит, когда мы придем в порт. А пока я помещу его туда, где он больше не причинит вреда. Грегг, запри его в клетке.

Мы проигнорировали его бурные протесты. Клетка – в старые времена морских судов на Земле ее называли гауптвахтой – была корабельной тюрьмой. Облицованное сталью помеще-

ние без окон, расположенное под палубой в носовой части судна. Я затащил туда сопротивляющегося Джонсона, а изумленный наблюдатель смотрел из окна обсерватории на наши мечущиеся в звездном свете фигуры.

– Заткнись, Джонсон! Только знай, что для тебя будет хорошо...

Он поднял страшную суматоху. Позади нас, там, где палуба смыкалась с надстройкой, полдюжины пассажиров удивленно переглядывались.

– Я сделаю так, что тебя вышвырнут со службы, Грегг Хальянн!

Я наконец-то заставил его замолчать. Спустил его по трапу в клетку и закрыл за ним дверь палубного люка. Я уже направился обратно в рубку, когда из обсерватории донесся голос наблюдателя:

– Хальян, астероид! Вас вызывает офицер Блэкстоун.

Я поспешил на ходовой мостик. Астероид был в поле зрения. Мы уже почти достигли максимальной скорости. Астероид приближался, причем так опасно близко, что нашу траекторию пришлось бы изменить. Я услышал сигналы Блэкстоуна, раздававшиеся в рубках управления, и встретил Картера, когда он вбежал на мостик вместе со мной.

– Экий негодяй! Мы вытянем из него максимум, Грегг. Ей-богу, я применю к нему химикаты, буду пытаться его – незаконно это или нет!

У нас не было времени на дальнейшее обсуждение. Астероид стремительно приближался. Уже сейчас, сквозь толщу стекла, он представлял собой великолепное зрелище. Я никогда раньше не видел такого крошечного мирка – астероиды нечасто встречаются между Землей и Марсом или вблизи Венеры.

Со скоростью почти сто миль в секунду астероид пронесся перед глазами. Невооруженным глазом он сначала показался крошечным пятнышком звездной пыли, незаметным в черном бархате космоса, усыпанном драгоценными камнями. Пятнышко. А потом – сверкающей точкой, серебристо-белой, в свете нашего Солнца.

Я стоял вместе с Картером и Блэкстоуном на мостике башни. Было очевидно, что, если мы не изменим курс, астероид пройдет слишком близко от нас. Мы уже чувствовали его притяжение; из рубки управления пришло сообщение, что наша траектория нарушена этой приближающейся к нам новоявленной громадой.

– Сделайте расчеты немедленно, Грегг, – посоветовал Блэкстоун.

Я набросал предварительные расчеты с наблюдательных приборов в ходовой рубке. Когда мы легли на новый курс, а притягивающие и отталкивающие пластины в корпусе "Планетары" были установлены в своих оптимальных комбинациях, я снова вышел на мостик.

Астероид нависал над нашей носовой частью. До него оставалось не более двадцати или тридцати тысяч миль. Теперь он представлял собой гигантский шар, заполнивший весь этот сектор неба. Были хорошо видны очертания его гор, суши и водных пространств.

– Вполне пригоден для жизни, – сказал Блэкстоун. – Однако я обследовал все полушарие с помощью телескопа. Никаких признаков человеческой жизни – и уж точно никакой цивилизации, ничего похожего на города.

Судя по всему, это был скромный маленький мир. Крошечный шарик, прилетевший из области за Нептуном. Мы пронесли мимо астероида. Все пассажиры собрались, чтобы посмотреть на пролетающий мимо маленький мир. Неподалеку от меня стояла Анита с братом, а рядом с ними – гигантская фигура Мико. Прошло полчаса с тех пор, как показался этот блуждающий маленький шарик, он стремительно пронесся и начал уменьшаться позади нас. Огромная полумесяц. Более тонкий, меньший полумесяц. Крошечный полумесяц, похожий на серебряную заколку, украшающую грудь какой-нибудь дамы. А потом это стало точкой, точкой света, неразличимой среди мириад других, витающих в этой огромной черной пустоте.

Инцидент с прохождением астероида был исчерпан. Я отвернулся от палубного иллюминатора. Сердце мое подпрыгнуло. Момент, которого я подсознательно жаждал весь день,

наступил. Анита сидела в шезлонге, оставшись в одиночестве. Ее взгляд остановился на мне, когда я посмотрел в ее сторону, и она улыбнулась, приглашая меня присоединиться к ней.

VII

– Но, мисс Принс, почему вы и ваш брат отправились в Феррок-Шан? Его бизнес...

Даже произнеся это, я возненавидела себя за подобный вопрос. Так ловко в смиренном уме, в котором перемешались все мои рапсодии о любви, возникла потребность получить информацию о Джордже Принсе.

– О, – сказала она. – Для Джорджа это удовольствие, а не бизнес.

Мне показалось, что на ее лицо легла тень. Но через мгновение она исчезла, и она улыбнулась.

– Мы всегда хотели путешествовать. Мы ведь одни в этом мире – наши родители умерли, когда мы были детьми.

Я выдержал паузу.

– Вам понравится Марс. Там столько всего интересного.

Она кивнула.

– Да, я понимаю. Наша Земля везде одинаковая, вылепленная по одному лекалу.

– Но сто или более лет назад это было не так, мисс Принс. Я читал, как живописный Восток отличался от... ну, например, Большого Нью-Йорка или Лондона...

– Это сделал транспорт, – горячо воскликнула она. – Все стало одинаковым – люди выглядят одинаково... одеваются одинаково.

Мы заговорили об этом. У нее был живой, пытливый ум, по-детски любопытный, но при этом удивительно зрелый. А ее манеры были наивно-серьезными. И все же она не была прилипчивой лозой, эта Анита Принс. В ее подбородке и манерах чувствовалась твердость, нотки мужественной силы.

– Если бы я была мужчиной, каких чудес я могла бы добиться в столь дивный век!

Собственное чувство юмора заставляло её рассмеяться над собой.

– Девушке легко так говорить, – добавила она.

– Вам еще предстоит совершить большие чудеса, мисс Принс, – импульсивно сказал я.

– Да? И какие же?

У нее был очень откровенный и прямой взгляд, лишенный кокетства.

Мое сердце заколотилось.

– Чудеса следующего поколения. Маленький сын, созданный по вашему образу и подобию...

Какое безумие, эта неуклюжая, бесцеремонная фраза! Я подавился.

Но она не обиделась. Темные лепестки роз на ее щеках стали еще краснее, но она рассмеялась.

– Это правда.

Она вдруг резко сделалась серьезной.

– Я не должна смеяться. Чудеса следующего поколения людей-завоевателей, марширующих на...

Ее голос прервался. Моя рука легла на ее руку. Странное покалывание, которое поэты называют любовью! Оно обжигало и проникало сквозь мои дрожащие пальцы в плоть ее предплечья.

В ее глазах сверкал звездный свет. Казалось, она смотрит не на освещенную серебром палубу, а в далекие дали будущего.

Сейчас был наш момент. Всего лишь мгновение, подаренное нам, когда мы сидели здесь, и моя рука обжигала ее руку, как будто мы оба могли увидеть себя в новом человеке – маленьком сыне, созданном по образу и подобию матери и обладающем силой своего отца. Это был наш момент, а затем он закончился. Раздался звук шагов. Я откинулся назад. Мимо проплыла

огромная серая фигура Мико в колышущемся плаще и со звенящим украшением в виде меча под ним. Его пулевидная голова с собранными в хвост волосами была без шляпы. Он посмотрел на нас, пронесся мимо и свернул за угол палубы.

Наш момент был упущен. Анита сказала устало:

– Приятно было провести с вами время, мистер Хальян.

– Но у нас впереди еще много встреч, – сказал я. – Десять дней...

– Вы думаете, мы доберемся до Феррок-Шана по расписанию?

– Да. Я так полагаю. Как я уже говорил, мисс Принс, вам понравится на Марсе. Станный, решительно устремленный вперед народ.

На нее будто навалился какой-то груз. Она зашевелилась в своем кресле.

– Да, это так, – неопределенно ответила она. – Мы с братом знаем многих марсиан в Большом Нью-Йорке.

Она резко осеклась. Жалеет ли она о том, что сказала это? Похоже, что да.

Мико возвращался. На этот раз он остановился.

– Твой брат хочет тебя видеть, Анита. Он послал меня привести тебя в его номер.

Во взгляде, который он бросил на меня, был оттенок нахальства. Я встала, и он возвышался надо мной на целую голову.

Анита сказала:

– О да. Я сейчас приду.

Я поклонилась.

– Мы еще увидимся, мисс Принс. Благодарю вас за приятные полчаса.

Марсианин повел ее прочь. Ее маленькая фигурка напоминала ребенка рядом с великаном. Когда они прошли всю палубу, а я смотрел им вслед, мне показалось, что он грубо взял ее за руку. И она в страхе отпрянула от него.

Но внутри они не пошли. словно желая показать мне, что он просто отнял ее у меня, он остановился у дальнего палубного иллюминатора и стоял, разговаривая с ней. После этого он взял ее на руки, как берут ребенка, чтобы показать ему через окно какой-то далекий предмет.

Боялась ли Анита ухаживаний этого марсианина? Может, ее удерживала какая-то власть этого человека над ее братом? Эта шальная мысль поразила меня.

VIII

Остаток того дня и вечера прошел для меня в сплошной сумятице. Слова Аниты, прикосновение моей руки к ее руке, та необъятная сфера того, что могло бы быть для нас, как проблеск волшебной страны счастья, которую я видел в ее глазах, а она, возможно, видела в моих, – все это бурлило во мне.

Побродив по кораблю, я немного побеседовал с капитаном Картером. Чувствовалось, что он испытывает неподдельное беспокойство. На "Планетаре" было всего полдюжины тепловых проекторов, не было оружия дальнего действия, несколько единиц стрелкового оружия и несколько старомодных, практически устаревших моделей оружия взрывного действия, плюс ручные проекторы с новым бенсоновским дуговым светом.

Все оружие находилось в комнате Картера, за исключением тех нескольких единиц, которые мы, офицеры, всегда носили с собой. Картер боялся, но чего именно, он не представлял. Он не думал, что наш план остановиться на Луне может повлиять на дальнейшее путешествие. Он полагал, что любая опасность возникнет на обратном пути, и тогда "Планетара" будет должным образом охраняться и пополняться полицейскими-солдатами.

Но сейчас мы были практически беззащитны. Я перекинулся парой слов с Вензой, но у нее не было ничего нового. И в течение получаса я болтал с Джорджем Принсом. Он казался веселым, приятным молодым человеком. Мне даже невольно показалось, что он мне нравится. Или это было связано с тем, что он приходился братом Аните? Он рассказал мне, что с нетер-

пением ждет возможности побывать с ней на Марсе. По его словам, он никогда не был там раньше.

В нем была доля искренней наивности Аниты. А может, он был очень умным негодяем, с таящейся иронией в мягком голосе и усмешкой, способной так меня одурачить?

– Что ж, поговорим позже, Хальян. Вы меня заинтриговали и доставили большое удовольствие.

Он отошел от меня, присоединившись к мрачному Оби Хану, и вскоре я услышал, как он обсуждает с ним вопросы религии.

Арест Джонсона вызвал бурное обсуждение среди пассажиров. Некоторые видели, как я тащил его за собой в карцер. Этот инцидент был предметом обсуждения всю вторую половину дня. Капитан Картер вывесил объявление о том, что в отчетах Джонсона были обнаружены серьезные ошибки и что в этом рейсе вместо него будет работать доктор Фрэнк.

Было уже за полночь, когда мы со Снапом закрыли и опечатали радиорубку и отправились в штурманскую, где должны были встретиться с капитаном Картером и другими офицерами. Пассажиры уже почти все разошлись. В курительной комнате шла игра, но палуба была совершенно пустынна.

Мы со Снапом проходили по одному из внутренних коридоров. Все двери в каюты были закрыты. Металлическая решетка пола отражала наши шаги. Снап шел впереди меня. Его тело внезапно поднялось в воздух. Он, как воздушный шар, взлетел к потолку, мягко ударился о него и, кувыркаясь, полетел вниз, приземлившись на пол!

– Что за чертовщина...

Он расхохотался, поднимаясь на ноги. Но это был недолгий смех. Мы поняли, что произошло – искусственное управление гравитацией в основании корабля, которое с помощью магнитной силы обеспечивало нормальную жизнь на борту, было повреждено! Именно на это мгновение этот небольшой участок коридора был отрезан. Небольшая масса "Планетары", парящей в пространстве, не оказывала ощутимого гравитационного воздействия на тело Снапа, и импульс его шага, когда он подошел к ненамагниченному участку коридора, подбросил его к потолку. Но теперь зона выглядела нормально. Мы со Снапом осторожно проверили это место.

Он схватил меня за руку.

– Это не произошло случайно, Грегг! Кто-то...

Мы бросились к ближайшей нисходящей лестнице. В пустынном нижнем пространстве стоял брошенный на произвол судьбы приборный блок. Множество циферблатов и переключателей, управляющих магнетизмом различных областей корабля, находились именно здесь. В помещении должен был находиться дежурный ночной смены, но его тут не оказалось.

Потом мы увидели, что он лежал неподалеку, раскинувшись на полу лицом вниз! В тишине и тусклом, ярком свете флуоресцентных ламп мы стояли, затаив дыхание, вглядываясь и вслушиваясь. Здесь больше никого не было.

Однако он не погиб. Он лежал без сознания от удара по голове. Мужественный парень. Мы привели его в чувство за несколько секунд. Вспышка сигнала вызова привлекла доктора Фрэнка из картографической комнаты.

– В чем дело?

– Здесь кто-то был, – поспешно ответил я, – и экспериментировал с магнитными переключателями. Очевидно, незнакомый с ними – дергал то один, то другой, чтобы проверить их работу и посмотреть отклики на циферблатах.

Мы рассказали ему, что случилось со Снапом в коридоре; охранник не пострадал, если не считать шишки на голове, полученной от неизвестного нападавшего. Мы оставили его лечить голову, а сами отправились на свой боевой пост, готовые к любой опасности и вооруженные для этого моим тепловым цилиндром.

– Странные дела творятся в этом рейсе, – сказал он нам. – Весь экипаж это понимает. Конечно, сейчас я продержусь, но когда мы вернемся домой, я завяжу с этими звездными путешествиями. Все-таки мое место в море.

Мы поспешили вернуться на верхний уровень. Нам действительно придется что-то планировать на совещании в рубке. Это была первая реальная вылазка наших противников.

Мы были на пассажирской палубе и направлялись в рубку, когда все трое остановились, застыв от ужаса. В тишине пассажирской каюты раздался крик! Дрожащий, задыхающийся крик девушки. В нем был ужас. Ужас... Или же это был крик страдания. В тишине вибрирующего корабля он звучал совершенно чудовищно. Он длился одно мгновение – один длинный крик; затем внезапно он затих.

И, когда кровь застучала в висках и, словно лед, побежала по венам, я узнал его.

Анита!

IX

– Боже правый, что это было?

Лицо доктора Фрэнка сделалось белым, а Снап и вовсе застыл как статуя от ужаса.

Палуба, как и прежде, была затемнена, а из палубных иллюминаторов исходило серебристое сияние. Пустые шезлонги стояли на своих местах. Крик затих, но теперь мы расслышали суматоху внутри – скрежет открывающихся дверей кают, вопросы испуганных пассажиров.

Наконец я обрел голос.

– Анита! Анита Принс!

– Бежим! – крикнул Снап. – Каюта А22!

Он бросился к выходу из холла.

Мы с доктором Фрэнком последовали за ним. Я понял, что мы миновали дверь и окно каюты А22. Но они были темными и, очевидно, закрыты изнутри. В затемненном холле царил суматоха; пассажиры стояли у дверей своих кают.

Я крикнул:

– Возвращайтесь в свои комнаты! Для нас важно, чтобы здесь был установлен порядок – не приближайтесь!

Мы подошли к двустворчатым дверям А22 и А20. Обе были закрыты. Доктор Фрэнк шел впереди нас со Снапом. Он остановился, услышав позади нас голос капитана Картера.

– Это был голос изнутри? Подождите минутку!

Картер бросился к нам. В руке у него был большой тепловой излучатель. Он отпихнул нас в сторону.

– Впустите меня первым. Дверь закрыта? Грегг, не подпускай пассажиров!

Дверь оказалась не заперта. Картер ворвался в помещение. Я услышал, как он вздохнул:

– Боже правый!

Мы со Снапом отогнали назад трех или четырех пассажиров. В тот же миг доктор Фрэнк вошел в комнату и снова вышел.

– Произошел несчастный случай! Назад, Грегг! Снап, помоги мне сдержать толпу.

Он с силой пихнул меня.

Изнутри доносились крики Картера:

– Не пускайте их! Где ты, Фрэнк? Вернись! Пошлите за Балчем!

Доктор Фрэнк вернулся в каюту и захлопнул перед нами со Снапом дверь. Меня не пропустили. Выхватив оружие, Снап заставил охваченных паникой пассажиров вернуться в свои комнаты.

Снап успокаивал их, но он знал о произошедшем не больше, чем я. Моя в ночном халате, плотно облежавшем ее тонкую высокую фигуру, подошла ко мне.

– Что случилось, сест Хальян?

Я огляделся в попытке обнаружить ее брата Мико, но не увидел его.

– Несчастный случай, – коротко ответил я. – Возвращайтесь в свою комнату. Приказ капитана.

Она посмотрела на меня и удалилась. Снап грозил всем своим цилиндром. Подбежал Балч.

– Что за черт! Где Картер?

– Там.

Я постучался в дверь А22. Она осторожно приоткрылась. Я смог различить одного лишь Картера, но услышал бормочущий голос доктора Фрэнка через внутреннюю смежную дверь с А20.

Капитан прохрипел:

– Убирайся, Хальян! Это вы, Балч? Входите.

Он впустил старшего офицера и снова захлопнул передо мной дверь. И тут же снова распахнул ее.

– Грегг, успокой пассажиров. Скажите им, что все в порядке. Мисс Принс испугалась – вот и все. Потом иди наверх. Расскажи Блэкстоуну, что случилось.

– Но я не знаю, что случилось.

Картер был мрачен и бледен. Он прошептал:

– Я думаю, это может оказаться убийством, Грегг! Нет, пока не убийство. Доктор Фрэнк пытается... Не стой как истукан, парень. Иди в рубку! Проверь нашу траекторию... не медли...

Капитан говорил совершенно бессвязно.

– Погодите-ка. Я не это имел в виду! Скажи Снапу, чтобы следил за своей радиорубкой. Вооружайтесь и охраняйте наше оборудование.

Я попытался заикнуться:

– Если... если она умрет... вы сообщите нам?

Он странно посмотрел на меня.

– Я скоро подойду, Грегг.

Он захлопнул за мной дверь.

Я выполнил его приказ, но это было похоже на кошмарный сон. Постепенно суматоха на корабле стихла. Снап ушел в радиорубку, мы с Блэкстоуном сидели в крошечной штурманской; сколько прошло времени, я не знаю. Я был в замешательстве. Анита ранена! Она может умереть... убита... Но почему? Кем? Был ли Джордж Принс в своей комнате, когда произошло нападение? Теперь я вспомнила, что слышала его тихий шепот, когда он был там с доктором Фрэнком.

Где был Мико? Меня пронзила страшная мысль. Я не видел его среди пассажиров в холле. Картер вошел в рубку.

– Грегг, иди ляг в постель. Ты похож на привидение.

– Но...

– Она не умерла. Она будет жить. С ней доктор Фрэнк и ее брат. Они делают все возможное.

Он рассказал нам, что произошло. Анита и Джордж Принс спали, каждый в своей комнате. Кто-то неизвестный открыл дверь в комнату Аниты.

– Разве она не была заперта?

– Да. Но злоумышленник вскрыл ее.

– Вскрыл? Я не думаю, что она была сломана.

– Она и не была сломана. Нападавший открыл ее каким-то невероятным образом и напал на мисс Принс – выстрелил ей в грудь тепловым лучом. В левое легкое.

– Выстрелил?

– Да. Но она не видела, кто это сделал. Принс тоже не видел. Ее крик разбудил его, но злоумышленник, очевидно, скрылся через коридорную дверь А22, тем же путем, что и вошел.

Я замер, потрясенный и обессиленный, у входа в аппаратную. Анита, возможно, умирала, и все мои мечты превратились в бесплодные фантазии о том, что могло бы быть.

Я был рад уйти. Я бы полежал часок, а потом отправился в каюту Аниты. Я потребую, чтобы доктор Фрэнк позволил мне увидеться с ней.

Я отправился на кормовую палубу, где находился мой закуток. Мысли путались, но какой-то инстинкт заставил меня проверить пломбы на двери и окне. Они были целы. Я осторожно вошел внутрь, включил тусклый свет ламп и осмотрел комнату. В ней находились только койка, мой крошечный письменный стол, стул и халат. Никаких признаков присутствия постороннего здесь не наблюдалось. Я установил сигнализацию на двери и окна. Затем я связался с радиорубкой.

– Снап?

– Да.

Я рассказал ему об Аните. Картер вклинился в наш разговор из ходовой рубки.

– Прекратите болтать, глупцы!

Мы прервались. Полностью одевшись, я бросился на кровать. Анита может умереть...

Должно быть, я провалилась в мучительный сон, но меня разбудил звук зуммера сигнализации. Кто-то возился с моей дверью! Потом зуммер замолчал; должно быть, злоумышленник нашел способ его заглушить. Но зуммер сделал свое дело – разбудил меня.

Я выключил свет; мой закуток погрузился в стигийскую тьму. Тепловой цилиндр находился на койке над моей головой. Я нащупал его и тихонько вытащил.

Я пришел в себя. Я был настороже. Я слышал слабое шепуршание – кто-то снаружи пытался отпереть дверь. В темноте, с цилиндром в руках, я тихонько подкрался к койке. Присел у двери. На этот раз я поймаю или убью этого ночного бродягу.

Послышалось слабое шипение. Дверной уплотнитель трещал. Поддавшись импульсу, я потянулся к двери и рывком открыл ее.

Никого! Освещенный звездами участок палубы был пуст. Но я подпрыгнул и налетел на массивное тело, скрючившееся в дверном проеме. Гигантский мужчина. Мико!

Его электризованная металлическая мантия обожгла мне руки. Я бросился на него – я был удивлен почти так же, как и он. Я выстрелил, но, судя по всему, тепловой удар пришелся мимо него. От моего удара его мантию закоротило, и он материализовался в звездном свете. Это была короткая, яростная схватка. Он выбил оружие из моей руки. Он выронил свой водородный фонарь и попытался схватить меня. Но я вырвался из его хватки.

– Так это ты!

– Тихо, Грегг Хальян! Я хочу лишь поговорить.

Без предупреждения из оружия в его руке вырвался сияющий разряд. Он зацепил меня. Пронесся, как лед, по моим венам. Заставив онеметь мои конечности.

Я беспомощно упал на палубу. Нервы и мышцы были парализованы. Мой язык затвердел и не двигался. Я не мог ни говорить, ни двигаться. Но я видел Мико, склонившегося надо мной, и слышал его:

– Я не хочу тебя убивать, Хальян. Ты нужен нам.

Он подхватил меня, как куль, на свои огромные руки и стремительно понес по пустынной палубе.

Радиорубка Снапа под куполом находилась по диагонали над головой. Из нее падал белый электрический свет – он освещал нас, омывал нас. Снап не спал; он слышал, как мы столкнулись.

Его голос пронзительно зазвенел:

– Стой! Я буду стрелять!

Его тревожная сирена оповестила корабль. Его прожектор вцепился в нас.

Мико пробежал со мной несколько шагов. Затем он выругался и бросил меня, а сам побежал прочь. Я упал на палубу, как мешок с карбидом. Мои чувства погрузились в черноту...

– С ним все в порядке.

Я был в штурманской комнате, а надо мной склонились капитан Картер, Снап и доктор Фрэнк. Хирург спросил:

– Ты можешь говорить, Грегг?

Я попробовал. Мой язык занемел, но все-таки зашевелился.

– Да.

Вскоре я пришел в себя. Я сел, а доктор Фрэнк энергично растирал меня.

– Я в порядке.

Я рассказал им, что произошло.

Капитан Картер сказал:

– Да, мы это знаем. И Аниту Принс тоже убил Мико. Она рассказала нам об этом перед смертью.

– Умерла!

Я вскочил на ноги.

– Она... умерла...

– Да, Грегг. Час назад. Мико пробрался в ее каюту и попытался навязать ей свои любовные утехы. Она отвергла его. И он убил ее...

Это поразило меня. И тут же пришла мысль:

"Он говорит, что Мико убил ее..."

Я забормотал:

– Надо... надо схватить его!

Я собрался с духом; меня охватил прилив ненависти, необузданное желание отомстить.

– Господи, где же он? Почему бы нам не отправиться за ним? Я достану его, я убью его!

– Полегче, Грегг! – доктор Фрэнк схватил меня за руку.

Капитан тихо добавил.

– Мы знаем, что ты чувствуешь, Грегг. Она сказала нам об этом перед смертью.

– Я приведу его сюда, к вам! Но я убью его, честное слово!

– Нет, не убьешь, парень. Мы не хотим, чтобы его убивали, и даже не хотим, чтобы на него нападали. Не сейчас. Потом все объясним.

Они усадили меня, успокаивая.

Анита умерла. Дверь в сияющий сад закрылась. Я и она лишь мельком взглянули на то, что могло бы быть. А теперь она была мертва...

Х

Поначалу я не мог понять, почему капитан Картер хочет оставить Мико на свободе. Внутри меня клокотала жажда мести, как будто уничтожение Мико как-то ослабит мое внутреннее горе. Какова бы ни была цель Картера, Снап не знал о ней. Но Балч и доктор Фрэнк пользовались доверием капитана – все трое работали над каким-то планом дальнейших действий.

Было очевидно, что по крайней мере двое из наших пассажиров участвовали в заговоре с Мико и Джорджем Принсом; в этом путешествии они пытались узнать все, что могли, о деятельности Грантлайна на Луне и, несомненно, планировали захватить ценности, когда "Планетара" остановится на Луне во время обратного рейса. Мне показалось, что я могу назвать имена этих замаскировавшихся пассажиров. Об Хан, якобы мистик с Венеры. И Рэнсом Рэнкином, который называл себя американским фокусником. Эти двое, согласились мы со Снапом, выглядели наиболее подозрительно. И еще был портье.

Некоторое время я вместе со Снапом сидел на палубе возле рубки. Потом Картер позвал нас назад, и мы сидели и слушали, пока он, Балч и доктор Фрэнк продолжали свое совещание.

Слушая их, я не мог не согласиться с тем, что лучшим планом для нас было получить улики, которые могли бы уличить всех, кто был замешан в заговоре. Мы были уверены, что Мико был тем самым марсианином, который следил за Снапом и мной от офиса Хэлси в Большом Нью-Йорке. Джордж Принс, несомненно, был тем самым невидимым подслушивающим наблюдателем у радиорубки. Он знал и рассказал остальным, что Грантлайн нашел бесценный металл на Луне и что "Планетара" остановится там по дороге домой.

Но мы не могли посадить Джорджа Принса в камеру за то, что он подслушивал. У нас также не было ни малейших улик против Об Хана или Рэнкина. И даже портье, вероятно, был бы освобожден Межпланетным судом Феррок-Шана, когда он выслушает наши свидетельства.

Оставался только Мико. Мы могли бы арестовать его за убийство Аниты. Но если мы сделаем это сейчас, остальные будут настороже. Идея Картера заключалась в том, чтобы оставить Мико на свободе на некоторое время и посмотреть, сможем ли мы выявить и уличить его поделщиков. Убийство Аниты явно не имело отношения к какому-либо заговору против богатств "Грантлайн Мун".

– А что, – воскликнул Балч, – в этом деле наверняка заинтересованы марсиане. Эти люди на борту – всего лишь эмиссары, совершающие это путешествие, чтобы узнать все, что можно. Когда они доберутся до Феррок-Шана, то представят свой отчет, и тогда нам будет грозить настоящая опасность. С Феррок-Шана может стартовать судно разбойников, которое опередит нас и вернется на Луну, а Грантлайн совершенно не предупрежден о какой-либо опасности!

Это казалось очевидным. Беспринципные преступники в Феррок-Шане действительно станут опасными, если им сообщат эти подробности о Грантлайне. Поэтому было решено, что за оставшиеся девять дней нашего путешествия мы постараемся собрать достаточно улик, чтобы арестовать всех этих заговорщиков.

– Когда мы высадимся на берег, я посажу их всех за решетку, – мрачно заявил Картер. – Они не смогут ничего донести своим начальникам!

Ах, тщетные планы людей!

И все же в то время мы считали это вполне логичным. Теперь мы были вооружены вдвойне. Пулеуловители и цилиндры с тепловыми лучами. И у нас было несколько подслушивающих микрофонов, которые мы планировали использовать при каждом удобном случае.

Прошло всего двадцать восемь часов этого насыщенного событиями путешествия. Корабль "Планетара" находился на расстоянии около шести миллионов миль от Земли; позади нас пылал огромный гигант.

Тело Аниты готовили к торжественному похоронному процессу. Джордж Принс все еще находился в своей каюте. Глутц, маленький парикмахер, разбогатевший благодаря тому, что выступал в роли косметолога для женщин-пассажирок, а в молодости был гробовщиком, отправился вместе с доктором Фрэнком готовить тело.

Ужасающие воспоминания. Я старался не думать об этом. Я сидел, оцепенев, в комнате с таблицами.

Космическое погребение – таких прецедентов было мало. Я потащился на кормовую палубу, где в пять утра состоялась церемония.

Мы собрались здесь, в звездном свете, с огромным небесным сводом вокруг нас. В одном из палубных портов был установлен демонтированный электронный проектор, необходимый при установке дальнобойного орудия.

Они вынесли тело. Я стоял в стороне, неохотно глядя на маленький сверток, завернутый, как мумия, в темную металлизированную ткань. На лице лежала повязка из черного шелка. Ее несли четыре стюарда, а рядом шел Джордж Принс. Его покрывала длинная черная мантия, но голова была обнажена. И он вдруг напомнил мне древнего персонажа пьесы Гамлета. Его черные волнистые волосы, точеное бледное лицо с суровым отпечатком достоинства. И, приглядевшись, я понял, что каким бы злодеем ни был этот человек, в этот момент, проходя

рядом с телом своей мертвой сестры, он был убит горем. Он любил свою сестру, с которой жил с детства, и, видя его сейчас, никто не смог бы в этом усомниться.

Маленькая процессия остановилась в лучах звездного света у порта. Тело положили на расставленные стулья. Священник в черном одеянии, поднятый со своей постели и все еще дрожащий от волнения, вызванного этой внезапной, необъяснимой смертью на борту, произнес короткую, торжественную молитву. Это был призыв: Чтобы Всемогуший Правитель всех этих пылающих миров хранил душу этой нежной девушки, чьи бранные останки теперь должны были быть возвращены Ему.

Если Бог и казался близким, то только сейчас, в этот миг, на этой звездной палубе, парящей в черной пустоте космоса.

Затем Картер на мгновение сняла с лица черный саван. Я видел, как ее брат молча смотрел на нее; видел, как он наклонился, поцеловал ее и отвернулся. Мне не хотелось смотреть, но я медленно двинулся вперед.

Она лежала, такая красивая. Ее лицо, белое, спокойное и умиротворенное в смерти. В глазах помутилось.

– Спокойно, Грегг, – прошептал мне Снап и обнял за плечи. – Пойдем.

Они накрыли ее лицо саваном. Я не видел, как они положили тело в шахту, пропустили его через вытяжную камеру и сбросили.

Но мгновение спустя я увидел его – маленький черный продолговатый сверток, парящий рядом с нами. Он был в сотне футов от нас и кружил вокруг нас. Удерживаемый массой "Планетара", он на какое-то время стал нашим спутником. Он вращался вокруг нас, как наша луна. Страшный спутник, по законам природы обязанный вечно следовать за нами.

Затем из другой трубки в носовой части корабля Блэкстоун привел в действие небольшой зед-лучевой проектор. Его тусклый свет зацепил плавающий сверток, нейтрализовав его металлическую оболочку.

Он двинулся по касательной. Скорость увеличилась. Свободное падение под куполом небес. Вращающийся черный цилиндр. Но через мгновение расстояние уменьшило его до пятнышка. Тусклая серебристая точка в лучах солнца. Частица человеческого земного праха в свободном падении...

Она исчезла. Анита... исчезла.

XI

Я развернулся на палубе. Мико был рядом со мной! Значит, он осмелился появиться здесь, среди нас! Но я понимал, что он не мог догадаться, что мы знаем, что убийца именно он. Джордж Принс спал и не видел Мико с Анитой. Мико в порыве ярости застрелил девушку и сбежал. Несомненно, сейчас он проклинал себя за то, что сделал это. И он вполне мог предположить, что Анита умерла, не приходя в сознание, и не могла сообщить, кто ее убил.

Теперь он смотрел на меня. На мгновение мне показалось, что он хочет поговорить со мной. Хотя он, вероятно, полагал, что его не подозревают в убийстве Аниты, он, конечно, понимал, что о его нападении на меня стало известно. Должно быть, он гадал, какие меры будут приняты.

Но он не подошел ко мне. Он удалился и пошел к себе. Моа была рядом с ним и, словно по предварительной договоренности с ним, подошла ко мне.

– Я хочу поговорить с тобой, Сет Хальян.

– Говори.

Я чувствовал инстинктивную неприязнь к этой марсианке. Однако она не была непривлекательной. Ростом более шести футов, статная и стройная. Гладкие светлые волосы. Довольно красивое лицо; не серое, как у грузного Мико, а розово-белое; жесткие губы, но в то же время женственные. И сейчас она улыбалась сдержанно. Ее голубые глаза пристально смотрели на меня. Она мягко сказала:

– Печальное происшествие, Грегг Хальян. И загадочное. Я бы не стала задавать вам вопросы...

– И это все, что ты хотела сказать? – спросил я.

– Нет. Вы красивый мужчина, Грегг, привлекательный для женщин... для любой марсианки.

Она сказала это импульсивно. На ее лице, в ее глазах читалось восхищение мной – мужчина не может этого не заметить.

– Спасибо.

– Я хочу сказать, что буду вашим другом. Мой брат Мико очень сожалеет о том, что произошло между вами и ним сегодня утром. Он просто хотел поговорить с тобой и подошел к двери твоего кубрика...

– С резакон, чтобы сломать замок, – заметил я.

Она отмахнулась.

– Он боялся, что ты его не примешь. Он же сказал, что не причинит тебе вреда.

– И тогда он ударил меня одним из ваших марсианских парализующих лучей!

– Ему очень жаль...

Она словно присматривалась ко мне, пытаюсь, без сомнения, выяснить, какая ответная мера будет принята против ее брата. Я был уверен, что Моа, как и все остальные, активно участвует в реализации плана по захвату богатств Грантлайна. Мико, с его неуправляемым нравом, вытворял такое, что ставил их планы под угрозу.

Я поинтересовался:

– О чем твой брат хотел поговорить со мной?

– Обо мне, – удивленно ответила она. – Я послала его. Марсианская девушка всегда добивается того, чего хочет. Вы знали об этом?

Она повернулась на каблуках и ушла от меня. Я задумался. Поэтому ли Мико ударил меня и пытался унести? Я так не думал. Я не мог поверить, что все эти происшествия не имеют отношения к тому, что, как я знал, было главным подводным течением. Они нуждались во мне, пытались захватить меня для чего-то другого.

Доктор Фрэнк застал меня в одиночестве.

– Иди в постель, Грегг. Ты ужасно выглядишь.

– Я не хочу в постель.

– Где Снап?

– Не знаю. Не так давно он был здесь.

На самом деле я не видел его с тех пор, как похоронили Аниту.

– Он нужен капитану, – сказал он.

Через час утренняя сирена разбудила пассажиров. Я сидел в укромном уголке палубы, когда появился Джордж Принс. Он прошел мимо меня – невысокий, мрачный, в темной одежде. На нем были высокие крепкие сапоги. На голове у него был капюшон, но, увидев меня, он откинул его и опустил рядом со мной.

Какое-то мгновение он молчал. Его лицо было бледным в тусклом звездном свете.

– Она сказала, что ты любишь ее.

Его мягкий голос был хриплым от эмоций.

– Да.

Я сказал это почти против своей воли. Казалось, между мной и этим убитым горем братом возникла какая-то связь. Он добавил, так тихо, что я едва его услышал:

– Это делает тебя, как мне кажется, близким другом. А ты считал себя моим врагом.

Я удержался от ответа. Неосторожный язык под влиянием эмоций – опасная вещь. А я ни в чем не был уверен.

Он продолжил:

– В самом деле, практически моим другом. Потому что мы оба любили ее, а она любила нас обоих.

Он говорил это едва ли не шепотом.

– А на борту есть тот, кого мы оба ненавидим.

– Мико! – вырвалось у меня.

– Да. Но не произноси этого имени.

И снова между нами воцарилось молчание. Он откинул со лба черные кудри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.